

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 811.112.2

**С. В. БУРЕНКОВА
О. С. КОРОБКО**

Омский государственный
педагогический университет

НОМИНАЦИИ ОШИБОЧНЫХ ДЕЙСТВИЙ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматриваются фразеологические единицы немецкого языка с общей семантикой «ошибка, ошибочное действие». Авторы систематизируют фразеологизмы с учетом их семантических особенностей, акцентируя внимание на этимологии устойчивых выражений, на их функционально-стилистической окраске и национально-культурной специфике.

Ключевые слова: фразеологические единицы, ошибка, национально-культурная специфика.

Как известно, термин «номинация» может употребляться для обозначения не только процесса именования, но и самих языковых единиц, служащих названиями всего отраженного и познаваемого человеческого сознанием [1]. Фразеологические единицы, представляя собой вторичные номинации, обладают, по сравнению с лексическими, рядом отличительных свойств, среди которых отмечают прежде всего раздельнооформленность фразеологической единицы, сочетание в ней слов с различными типами значений, соотношенность с фразеологическим прототипом, богатство внутренней формы и коннотации [2].

Совокупность фразеологических единиц — фразеология — любого национального языка аккумулирует опыт, знания, нормы и ценности народа и способствует их трансляции другим поколениям. Будучи неотъемлемым элементом культуры этноса, фразеология отображает национальную картину мира, образуя значимый фрагмент языковой картины мира в целом. Факты языка фиксируют среди прочего и разного рода ошибки, которые человек в течение своей жизни совершает довольно часто.

В случае ошибки речь идет о несознательных, ненамеренных действиях (в том числе и ментальных) с ошибочным результатом [3]: *не по адресу,*

ошибиться дверью, дать маху [попасть] пальцем в небо, не в ту степь и др. [4]. Ошибки могут быть мелкими и значительными, досадными, вопиющими, непоправимыми, чудовищными, совершение ошибок влечет за собой самые разные последствия: над ошибками смеются, за них осуждают, из-за них стыдятся, на них [не] учатся. В жизни случается, что ошибок, как своих, так и чужих, не замечают, вместе с тем анализ фактов языка свидетельствует о том, что любая житейская оплошность имеет языковую фиксацию и интерпретацию.

Так, исследование порядка 200 фразеологических выражений немецкого языка с общей семантикой «ошибка, ошибочное действие» (в качестве источника материала послужили толковые и фразеологические словари немецкого языка: [5–8]) позволяет обозначить достаточно широкий тематический спектр фразеологической номинации ошибочных действий. Это могут быть оплошности, обусловленные доверчивостью человека: *in die Falle gehen; j-m ins Garn gehen; auf den Leim gehen/kriechen; nach j-s Pfeife tanzen; an den Unrechten kommen; etwas für bare Münze nehmen; noch an den Weihnachtsmann/Storch glauben* (ugs.) и др.

Небезынтересно, что первые три из перечисленных фразеологических оборотов заимствованы из социолекта охотников: еще в древневерхненемецкий период слово *garn* имело значение «Netz» — сеть, а клеем (*Leim*) намазывали прутья для ловли птиц [7, с. 53–54]. Выражение *nach j-s Pfeife tanzen* обнаруживается, по свидетельству лингвистов, в одной из басен Эзопа, повествующей о рыбаке, который пытался ловить рыбу при помощи игры на дудке [7, с. 115–116].

Излишне доверчивых людей оценивают негативно, к примеру, наивных женщин характеризует шутовское, нередко используемое в качестве насмешки выражение *eine Unschuld vom Lande sein* (scherzh., meist spöttisch) [5].

Функционально-стилистическая окраска следующих фразеологизмов подчеркивает категоричное осуждение промахов и ошибок, совершенных из-за собственной отсталости, ограниченности, глупости: *ein Brett vor dem Kopf haben* (ugs.) (раньше крестьяне вешали упрямому быку доску на глаза, чтобы он ничего не видел); *eine hirnverbrannte Idee* (abw.) ('hirnverbrannt' является калькой с французского и обозначает буквально «сожженные мозги»); *Einfälle [haben] wie ein altes Haus/wie ein alter [Back]ofen* (ugs.) («сумашедшие идеи»; по образу обветшалого, ветхого дома); *hinter dem Mond leben* (ugs.) (букв. жить за луной); *mit dem Schädel/Kopf durch die Wand wollen* (ugs.) (букв. желать пробить головой стену) и т.д. Гротескность приведенных фразеологизмов выражает негативную оценку подобных ошибочных действий.

Тем не менее даже умные люди совершают ошибки, если шаблонно мыслят — *nach Schema F* (abw.) (выражение восходит к тому времени, когда в прусской армии рапорты писали по одной и той же схеме), теряют нить разговора — *den Faden verlieren* (метафорический перенос из области прядения, ткачества), не понимают главного — *den Wald vor lauter Bäumen nicht sehen* (scherzh.) (по одному из произведений К. М. Виланда, 1733–1813), постоянно надоедливо говорят одно и то же — *immer die gleiche Walze spielen* (*Walze* — часть шарманки, небольшой валик, с которого и воспроизводилась мелодия), не следуют советам — *einen Rat in den Wind schlagen*.

Многие фразеологизмы выборки характеризуют неправильное, ошибочное поведение людей в обще-

стве: *aus der Rolle fallen; er benimmt sich wie ein Elefant im Porzellanladen* (ugs.).

Осложнения во взаимоотношениях могут быть вызваны излишней разговорчивостью партнера (иногда сопряженной с хвастовством или дерзостью), что выражается во фразеологизмах с соматизмом *Mund* или его более грубым вариантом *Maul*, сравните: *einen großen/losen Mund* (ugs.)/*ein großes Maul (derb) haben; seinen Mund nicht halten können* (ugs.); *[immer] mit dem Mund vorneweg sein; jmds. Mund steht nicht still* (ugs.); это качество может навредить и самому человеку: *sich den Mund (ugs.)/das Maul (derb) verbrennen*. В разговорной речи используется субстантивный композит *Mundwerk*, в семантике которого содержится отрицательная оценка болтливости как человеческого качества: *ein grobes/großes/loses/lockeres Mundwerk haben* (ugs.).

Бесполезные разговоры получают сравнение с пустой соломой: *leeres Stroh dreschen* (ugs.), глупые — с творогом: *Quark reden* (salopp abw.). Ошибкой может являться и, напротив, молчание человека в определенной ситуации, сравните: *den Mund nicht auf tun*.

Яркие образные сравнения лежат в основе фразеологизмов, характеризующих неправильные, выполняемые в обратном порядке действия людей, сравните: *den zweiten Schritt vor dem ersten tun; etwas verkehrt aufzäumen* (ugs.); *das Pferd beim Schwanz aufzäumen; das Pferd hinter den Wagen spannen*. Иногда поступки человека противоречат общественному мнению: *gegen/wider den Strom schwimmen; die Rechnung ohne den Wirt machen; aus der Reihe tanzen* (ugs.).

К неблагоприятному для человека результату могут привести собственные неосмотрительность, невнимательность, спешка, сравните: *die Katze im Sack kaufen* (ugs.) (раньше торговцы на рынках для обмана покупателя вместо кролика, поросенка или зайца клали в мешок кошку); *das ist für die Katz* (выражение восходит, вероятно, к басне Эзопа, в которой кузнец «отдал» слова благодарности клиентам за работу, за которую он ожидал иной оплаты, кошке, привязав её при этом в мастерской. Кошка умерла с голоду, а кузнец с тех пор стал более предусмотрительным и сам определял стоимость своей работы [7, с. 87–88]); сравните также: *von heute auf morgen* (очень быстро, не обдумав); *etwas auf die leichte Schulter nehmen* (не принимать всерьез).

Поступки, при которых затраты превосходят результат, негативно оцениваются представителями немецкой лингвокультуры, для неё, как известно, свойственна бережливость. Отрицательная оценка неэкономности, расточительности получает свое выражение в целом ряде фразеологических оборотов, сравните: *in Saus und Braus leben; sich in Unkosten stürzen; sein Geld [mit beiden Händen] auf die Straße werfen/zum Fenster hinauswerfen/zum Schornstein hinausjagen* (ugs.); *sein Geld unter die Leute bringen/verpulvern/vertrinken; das Geld ist zum Kuckuck* (salopp) и т.д.

Человек может относиться расточительно не только к деньгам или ценностям, но и ко времени, к собственным умственным и физическим усилиям, сравните: *die Zeit verträdeln* (ugs., abw.); *sein Pulver [vorzeitig] verschossen haben* (ugs.); *mit Kanonen nach Spatzen schießen; große Sprünge machen; die Kirche ums Dorf tragen* и т.д.

Среди фразеологизмов, именующих ошибки, обнаруживаются выражения с диффузной семантикой. Так, в самых разных ситуациях совершения ошибки могут использоваться следующие выражения, различающиеся некоторыми нюансами значения и употребления: *auf die falsche Karte setzen/aufs falsche Pferd setzen* (ugs.) (просчитаться,

поддержать дело, которое окажется безуспешным); *auf dem Holzwege sein/sich auf dem Holzwege befinden* (иметь ошибочное мнение, представление о чем-либо); *schiefgewickelt sein* (ugs.) (основательно заблуждаться); *einen Bock schießen* (ugs.) (совершить грубую ошибку; выражение восходит к давнему обычаю стрелков преподносить козла самому худшему стрелку); *sich die Finger verbrennen* (перен.: обжечься на чем-либо, потерпеть неудачу) и др.

Результатом неверных действий индивида, как правило, выступает неудача: *ein Schlag ins Wasser*; *im Sand[e] verlaufen*; определенная стагнация: *aufs tote Gleis geraten*; потеря, утрата чего-либо: *j-m geht etwas durch die Lappen* (ugs.); *sich zwischen zwei Stühle setzen*; *jmd. geht leer aus*; тяжелое, еще более худшее, безвыходное положение: *sich [mit etw.] in die Nesseln setzen* (ugs.); *vom Regen in die Traufe kommen* (ugs.); *in die Tinte geraten* (ugs.).

Совершивший ошибку вынужден смириться с ситуацией: *sich die Suppe auslöffeln [die man sich eingebrockt hat]* (ugs.); извлекать уроки из пережитого: *etw. am eigenen Leibe verspüren*; *sich die Hörner abstoßen* (ugs.). Последнее выражение возникло в студенческой среде: в прежние времена во время посвящения в студенты переодетые в костюм козла новички должны были сбивать рога о косяк двери или колонну, этот обычай символизировал расставание с животным этапом развития [5].

Анализ фразеологизмов, именующих ошибочные действия, демонстрирует наличие универсальных метафор, отражающих общечеловеческие представления о причинах и последствиях человеческих ошибок, а также свидетельствующих об общих источниках возникновения устойчивых оборотов (Библия, мифология, мировая литература и т.д.), сравните: *j-m ins Garn gehen* — попасть в чьи-либо сети; *etwas für bare Münze nehmen* — принимать за чистую монету; *den Faden verlieren* — потерять нить разговора; *sich wie ein Elefant im Porzellanladen benehmen* — вести себя как слон в посудной лавке; *aufs falsche Pferd setzen* — поставить не на ту лошадь; *sich die Hörner abstoßen* — обломать рога и пр.

Вместе с тем исследование позволило обнаружить большое количество фразеологизмов, обладающих национально-культурной спецификой, которая, в свою очередь, обусловлена особенностями истории, литературы, языка, религии, флоры и фауны страны, сравните: *nach Schema F*; *das Geld ist zum Kuckuck*; *einen Bock schießen*; *leeres Stroh dreschen*; *für die Katz*; *eine hirnverbrannte Idee*; *Quark reden* и т.д. Бережливость как одна из типичных черт немецкого национального характера также выступает фактором, определяющим функционирование в немецком языке устойчивых выражений, содержа-

щих негативную оценку расточительных поступков. В этой связи следует подчеркнуть, что изучение отношения носителей немецкого языка к ошибкам на материале лексики, пословиц и афоризмов, текстов представляет собой перспективу исследования, особенно в свете взаимовлияния языка и культуры, языка и характера народа.

Библиографический список

1. Гак, В. Г. Языковые преобразования: некоторые аспекты лингвистической науки в конце XX века. От ситуации к высказыванию / В. Г. Гак. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. С. 310–366.
2. Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка / А. В. Кунин. — Дубна: Феникс+, 2005. — 488 с.
3. Кустова, Г. И. Предикаты интерпретации: ошибка и нарушение / Г. И. Кустова // Логический анализ языка. Языки этики / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко, Н. К. Рябцева. — М.: Языки русской культуры, 2000. — С. 125–133.
4. Словарь-тезаурус современной русской идиоматики: около 8000 идиом современного русского языка / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН; под ред. А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского. — М.: Мир энциклопедий Аванта+, 2007. — 1135 с.
5. Duden online [Electronic resource]. — URL: <http://www.duden.de/> (дата обращения: 12.04.2014).
6. Griesbach, H. 1000 deutsche Redensarten. Mit Erklärungen und Anwendungsbeispielen / H. Griesbach, D. Schulz. — Berlin, München etc.: Langenscheidt, 2010. — 248 S.
7. Raab, H. Deutsche Redewendungen. Von Abblitzen bis Zügel schießen lassen / H. Raab. — Wien: Cura Verlag, 1995. — 160 S.
8. Schemann, H. Synonymwörterbuch der deutschen Redensarten / H. Schemann. — Stuttgart, Dresden: Klett Verl. für Wissen und Bildung, 1991. — 428 S.

БУРЕНКОВА Светлана Витальевна, доктор филологических наук, доцент (Россия), профессор кафедры немецкого языка и межкультурной коммуникации Омского государственного педагогического университета.

КОРОБКО Ольга Сергеевна, соискатель кафедры немецкого языка и межкультурной коммуникации Омского государственного педагогического университета; старший преподаватель кафедры «Теория и практика перевода», и.о. декана Омского института международного менеджмента и иностранных языков «Ин.яз.-Омск».

Адрес для переписки: burenkova_anna@mail.ru

Статья поступила в редакцию 16.04.2014 г.

© С. В. Буренкова, О. С. Коробко

АССИМИЛЯЦИЯ ФРАНЦУЗСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ ОБЛАСТИ МОДЫ В КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКЕ ГЕРМАНИИ

В данной статье рассматриваются французские заимствования в немецком языке моды, исследуется значительный фонд галлицизмов с точки зрения специфики их морфологической и словообразовательной парадигмы, происходящих с ними семантических, орфографических, фонетических преобразований, изменения их стилистического статуса.

Ключевые слова: французские заимствования, язык моды, ассимиляция, функциональные особенности.

Изучение языковых заимствований является актуальной проблемой как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике. Чисто лингвистические вопросы данной области часто рассматриваются в совокупности с проблемами культурных и социально-экономических контактов. Язык выполняет в процессе межкультурных контактов двойственную функцию: он не только передаёт ценности национальной культуры, но и принимает и адаптирует сокровища иной культуры. Зачастую в результате такого взаимодействия в национальном языке вместе с чужими культурными ценностями появляются именные слова.

Между тем следует отметить, что заимствованное слово, перешедшее в систему языка-реципиента, и его прототип, существующий в национальном языке, по сути являются разными словами, так как они относятся к разным языковым системам. Так, в процессе освоения в системе немецкого языка у французского заимствования формируется особая семантическая структура, характерная для языка-реципиента, а также определенные функциональные особенности. В момент заимствования иноязычное слово включается в процесс сложных и долгих изменений, которые ему необходимо пройти, если оно представляет ценность для заимствующего языка. Если заимствующий язык нуждается в заполнении существующей в нём лакуны, то заимствованное слово быстро адаптируется и начинает самостоятельно функционировать.

Так, например, в немецком языке существуют три номинации, обозначающие аксессуар: *Accessoire*, *Zubehör*; *Beiwerk*. При наличии двух синонимов французское заимствование долгое время остаётся актуальным в немецком языке. Подобное возможно благодаря размежеванию области применения указанных слов. Сравните:

Accessoire <meistPlural> [frz. accessoires (Pl.), eigtl. = Nebensachen, zu lat. accessum, 2. [Part. von: accedere = hinzukommen]: *modisches Zubehör zur Kleidung, zur Wohnung, zum Auto u.Ä.*; <lat.-fr.>: *modisches Zubehör zur Kleidung (z.B. Gürtel, Handschuhe, Schmuck)* [1].

Beiwerk — schmückende Zutat, Nebensächlichkeit, entbehrliche Zu-, Beigabe [1].

При этом лексемы *Accessoire* и *Zubehör* значатся в словарях как синонимы, в то время как существительное *Beiwerk* не является синонимом для слова *Accessoire*. Интересен тот факт, что в современных модных журналах, даже если речь идет о таких изданиях, как *Burda*, чаще всего используют слово *Accessoire*, а не *Beiwerk* и *Zubehör*; ср.: *Viel Pink, ein wenig Grün und ein Hauch Gold — bei Accessoires und Kosmetik darf es jetzt richtig knallen. Accessoires zum Selbermachen für die nächste Reise. Von allem mit so einzigartigen romantischen Accessoires zum Selbermachen aus Perlen und Spitze* [2].

Зачастую из комплекса значений французского слова заимствуется одно, реже два, являющихся релевантными для немецкой лингвокультуры. Так, французская лексема *goût* в национальном языке является полисемантом и в немецкий язык была заимствована только в одном значении: *Goût — jmds. persönlicher Geschmack*. Немецкое слово *Geschmack*, существовавшее в национальном языке, не было многозначным (вкус, вкусовое ощущение) и долгое время *Goût* и *Geschmack* обслуживали разные области в немецкой лингвокультуре. Французское заимствование использовалось немецким языком именно в переносном значении, так как для выражения прямого существовала немецкая номинация. Французская лексема *goût* в значении «удовольствие, склонность, чувство прекрасного, художественный вкус» оказала влияние на формирование комплекса значений немецкого слова *Geschmack* — **1.** *Etwas, was man mit dem Geschmacksinn wahrnimmt; charakteristische Art, in der ein Stoff schmeckt, wenn man ihn isst oder trinkt: ein süßer, angenehmer G.;* **2.** *Fähigkeit zu schmecken; Geschmackssinn: wegen eines Schnupfens keinen G. haben.* **3.** *Nach französisch (bon) goût oder italienisch (buon) gusto: a) Fähigkeit zu ästhetischem Werturteil: ein feiner, sicherer G.; er hat keinen [guten] G.; b) (geh.) einheitlicher ästhetischer Wertmaßstab einer bestimmten Zeit oder Epoche: im G. des Biedermeiers; nach neuestem G.; c) das an einem Gegenstand, Gebäude o.Ä. Sichtbarwerden bestimmter ästhetischer Prinzipien und Wertmaßstäbe.* **4.** *nach französisch (bon) goût oder italienisch (buon) gusto: subjektives Werturteil über das, was für jmdn. schön oder angenehm ist, was jmdm.*

gefällt, wofür jmd. eine Vorliebe hat: das ist nicht mein/nach meinem G.; 5. **Nach französisch (bon) goût oder italienisch (buon) gusto:** (geh.) *Anstand, Takt, guter Ton:* gegen den [guten] G. verstoßen. 6. (schweiz.) *Geruch* [1].

Для заимствований области моды, пришедших из французского языка в немецкий, характерно сокращение семантической структуры либо заимствование переносных или специализированных значений из комплекса многозначного слова. В переносном значении в немецкий язык перешли, например, *Fauxpas, Demimonde, Dernier Cri, Clou*. Заимствовать из французского языка в прямом значении существительное *clou* (гвоздь) не было необходимости, т.к. немецкий язык имеет свою исконную лексему *Nagel*. Более того, в языке существует ряд лексем для выражения переносного значения *Hit, Kernstück, Knüller*. Между тем французское заимствование используется для обозначения понятий, связанных с феноменом мода: **Clou** — *Glanzpunkt, Kernpunkt*. Сравните: *Sie, ihre Darbietung war der Clou des Abends*. Несмотря на большое количество синонимов — *Atraktion, Gag, Glanznummer, Höhepunkt, Krönung, Pointe, Schlager, Sensation, Knalleffekt, Knaller, Knüller, Highlight, der springende Punkt, Hauptsache, Herzpunkt, Punctum saliens, Witz* [1] заимствование *Clou* достаточно часто употребляется.

Отсеивание неподходящих значений, сужение объема лексического значения слова объясняются наличием в языке-реципиенте соответствующих общеупотребительных слов. Кроме того, использование в немецком языке терминологических значений (терминологизация слова) вызвано потребностью языка. Так, французское заимствование *blanchir*, являющееся в национальном языке многозначным, приобрело в немецком языке помету *Kochkunst* и закрепилось только в одном, специализированном значении: **blanchieren** — *kurz mit heißem Wasser ab-, überbrühen*. Небезынтересно, что первоначальное значение данного глагола во французском языке — «делать белым», однокоренным словом является лексема *blanc* (белый) [1]. Немецкие глаголы *abbrühen, überbrühen* не являются полными эквивалентами, что объясняет закрепление в немецком языке французского термина.

Заимствованное слово, вырванное из привычной языковой среды, теряет свои парадигматические и синтагматические связи и вынуждено подстраиваться под правила лексико-семантической системы немецкого языка. Как следствие, нередко происходит сужение значения заимствования. Так случилось с французскими глаголами *souper* и *diner*. Во французском языке *diner* имеет три значения, одно из них устаревшее: 1. *Prendre le repas du soir*; 2. **Vieux.** *Prendre le repas principal de la journée*; 3. *En Suisse, en Belgique et au Canada, prendre le repas de midi* [3, с. 522].

В немецком языке инфинитив *diner* субстантивировался (das Diner), произошло сужение значения: *festliches Abend- oder Mittagessen mit mehreren Gängen*. Лексема имеет помету *gehoben* и, несмотря на целый ряд синонимов (*Abendessen, Bankett, Essen, Festessen, Galadiner, Mittagessen, Nachtessen, Souper, Tafel*), используется носителями немецкого языка (относится к числу 100 000 самых употребительных слов [1]).

Закрепившиеся в немецком языке французские заимствования могут приобретать целый комплекс значений, зачастую не свойственных им в их родном языке, сравните: *Beauté, Crème, Coiffure, Garnitur* и др. Вышеупомянутые *das Diner, das Souper* и глагол

dinieren (от фр. *diner*) приобрели в немецком языке оттенок возвышенности (*gehoben*) благодаря моде на французский образ жизни, распространившейся в высших слоях общества.

Некогда заимствованное немецким языком слово *Robe* прочно закрепилось в немецкой лингвокультуре. Данное слово означало вид одежды, средневековое платье, не имеющее сословных различий. Лексема и сегодня фиксируется словарями с пометой *gehoben*, однако в процессе существования в немецком языке слово стало употребляться в более узком значении: **Robe** — (geh.) *festliches langes Kleid, das nur zu besonderen Anlässen getragen wird*. При этом вид одежды, обозначаемый словом *Robe*, относится как к женскому, так и к мужскому гардеробу: *die Damen trugen feierliche, glitzernde, kostbare -n; man erscheint bei der Premiere in großer R. (in festlicher Kleidung [bezogen auf Frauen und Männer])* [1]. В своём современном значении лексема приближается к немецкому слову *Kleidung*, но разная стилистическая окраска позволяет им сосуществовать в языке.

Помимо функционально-стилистических изменений у заимствованных слов немецкого языка моды встречаются случаи изменения значения слов в сторону ухудшения или улучшения. Многие из французских заимствований, являясь нейтрально окрашенными в исконном языке, при переходе в немецкий язык становятся частью возвышенной, поэтической, разговорной, грубой лексики. Зачастую изменение стилистического регистра заимствованных слов детерминируют их закрепление в немецком языке несмотря на наличие эквивалентов национального языка. Всем известен пример, когда стилистически нейтральное во французском языке слово *Visage* стало грубо-фамильярным в немецком языке.

Под влиянием французского заимствования *salope* в немецком языке сформировался комплекс значений прилагательного *salopp*. В словарной статье есть указание на то, что прилагательное употребляется при описании одежды. Французское прилагательное *salope* не имеет такого значения, оно используется для описания поведения женщин: *Se dit d'une femme qui se conduit d'une façon méprisable, déloyale* [4]. Во французском языке существительное *salope* маркировано как фамильярно-грубое и также употребляется для характеристики женского пола: 1. *Femme, fille très sale*; 2. *Femme qui agit d'une manière déloyale, qu'on méprise*. Более нейтральная окраска (просторечие) у французского глагола *saloper*: 1. *Exécuter un travail très mal, sans soin, sans conscience*; 2. *Salir quelque chose, le souiller, le couvrir de taches*. Можно предположить, что именно последнее значение глагола повлияло на формирование семантической структуры прилагательного в немецком языке, которое в языке моды является стилистически нейтральным.

Многозначное французское прилагательное *nobel* закрепилось в немецком языке благодаря приобретенной им в языке-реципиенте стилистической окраске: 1. (geh.) *in bewundernswerter Weise großmütig, edel [gesinnt], menschlich vornehm: eine noble Geste*. 2. (öfter spött.) *elegant [wirkend]; luxuriös: ein nobles (hohen Ansprüchen genügendes, teures) Hotel*. 3. (ugs.) *großzügig (2), freigebig: ein nobles Trinkgeld* [1]. Все три значения указанной лексемы имеют разные пометы, что позволяет французскому заимствованию существовать в немецком языке. Более того, согласно данным электронного словаря Duden, слово

nobel часто используется в речи несмотря на большое количество синонимов. Так, только ко второму значению слова *nobel* словарная статья предлагает двадцать восемь синонимов, среди которых можно встретить французские заимствования, либо слова, пришедшие через французский язык в немецкую лингвокультуру. Сравните: *aufwendig, edel, elegant, exklusiv, fein, glanzvoll, luxuriös, pompös, prunkvoll, stilvoll* и т.д.

В языке моды наряду с прямыми заимствованиями функционируют и различные виды семантических заимствований. Как вид семантического заимствования встречается так называемое *Lehnübersetzung*, например: *Gegenbesuch* (*fr. contre-visite*). Зачастую словари фиксируют не только заимствованное слово, практически без графических изменений, но и номинацию, созданную средствами немецкого языка: *Demimonde* и *Halbwelt, DernierCri* и *derletzteSchrei*. Интересен тот факт, что наряду с прямым заимствованием словари фиксируют ещё два вида семантического заимствования. Так, французское слово *pince-nez* дало толчок для создания средствами немецкого языка двух видов заимствования *Klemmer* (*Lehnübersetzung*) и *Kneifer* (*Lehnübertragung*).

Для французских заимствований области моды характерной чертой является переход из одного лексико-грамматического класса в другой. Лексемы, являющиеся во французском языке причастием, при переходе в немецкий язык зачастую становятся существительными: *Déshabillé, Gaufré, Plisse, Glassée, Negligée* и т.д.

Необходимо отметить, что отдельные лексемы сохраняют надстрочный знак над конечной гласной, другие уже адаптировались к системе немецкого языка грамматически (все пишутся с большой буквы, имеют категорию рода, склоняются, образуют множественное число) и графически (теряют конечную). Так, например, некогда перешедшее в немецкую лингвокультуру, причастие *décolleté* было отнесено к классу существительных и приобрело соответствующие признаки: написание с заглавной буквы, средний род, падежные окончания, а также изменилось графически (*Dekolletee*). Вместе с тем в немецком языке появляется глагол *décolleter*, который, подчиняясь языку-реципиенту, примыкает к группе слабых глаголов (*dekolletieren*). Более того, образование причастия происходит по нормам немецкого языка (*dekolletiert*).

Попадая в немецкий язык моды, французские словосочетания становятся морфологически неделимыми словами, либо словосочетания, зависящая часть которых присоединяется при помощи предлогов, например: *à jour*>*ajour*, *à la mode*>*Alamodezeit, demimonde*>*Demimonde, grand seigneur*>*Grandseigneur, haute volée*>*Hautevolee, Henri IV*>*Henriquatere, frou-frou*>*Froufrou*.

Существующее сегодня в немецком языке слово *Accroche-Coeur* (вид локна, спускающегося на лоб) послужило примером для образования новых слов, так, в современных модных журналах можно встретить название одежды *Cache-Coeur-Pulli*. Первое слово *Cache* является заимствованием, образованным от глагола *cacher* (прятать, скрывать), точнее от его императива второго лица единственного числа *cache* (спрячь). Вторая часть сложного слова — это французская лексема *coeur* (сердце). По такому принципу образовано несколько номинаций области моды (*Cachenez, Cachesex*). Французские сложные слова активно используются в немецком языке

моды, они могут дополняться другими элементами: *Prêt-à-Porté* >*Prêt-à-Torte, Haute-Couture-Stil* [2].

Французские заимствования становятся частью сложных слов, в которых вторую часть составляют немецкие лексемы либо заимствования из другого языка. Разнообразные варианты сложных слов можно встретить в модных журналах: *Bode-Museum, Rosé-Champagner, Champagner-Fete, Apricot-Plissees, Caramel-Tüll, Couture-Kleidern, Bondage Look, XS-Jeansjacked, Barbecue-Fete, Super Accessoire, Göttinen-Robe*.

Сложные формы (наречие, причастие, сложные существительные) максимально упрощаются в языке-реципиенте и переходят в разряд существительных или прилагательных. Поэтому группы прилагательных и существительных, образованных от французских заимствований, самые многочисленные:

à part — *apart* (прилаг.), *après sky* — *Après-Ski* (сущ.), *composé* — *Composé* (сущ.), *faux pas* — *Fauxpas* (сущ.), *dehors* — *Dehors* (сущ., мн.ч.).

Исключение составляет только словосочетание *parterre*, преобразованное в наречие *parterre*.

Заимствованные французские глаголы переходят в группу слабых глаголов и приобретают окончание — *ieren*: *detaillieren, frisieren, individualisieren, moirieren*. Необходимо отметить, что глаголы легче всего адаптируются к системе немецкого языка.

При присвоении категории рода французским заимствованиям в немецком языке обычно происходит следующее:

— существительное сохраняет категорию рода при заимствовании: *une allée* — *die Allee*; *une attitude* — *die Attitüde*; *une avenue* — *die Avenue*; *un chignon* — *der Chignon*;

— существительное меняет род: *un atelier* — *das Atelier*; *un collier* — *das Collier*; *un étui* — *das Etui*; *un ensemble* — *das Ensemble*;

— род существительного колеблется: *Bijous* — *der* oder *das*, *Biskuit* — *das* auch *der*, *Coupe* — *die* auch *der*, *Cotton* — *der* oder *das*, *Dekor* — *der* auch *das*.

Как правило, заимствованные существительные женского рода меняют его в языке-реципиенте. Выбор мужского и среднего родов продиктован потребностями заимствующего языка. При этом некоторые национальные особенности словообразования французского языка оказали влияние на немецкий язык. Так, например, французский суффикс *-teur (-eur)* сохраняется в немецком языке во многих словах, более того, средствами национального языка был образован суффикс *-tor-*. Сравните: суффикс *-teur-* означает лиц, занимающихся соответствующей деятельностью: *Arrangeur, Coiffeur, Dekorateur*, в то время как слова с суффиксом *-tor-* означают машины, механизмы: *Radiator, Kultivator*.

Что касается категории числа, то французские заимствования в основной массе подчиняются правилам образования множественного числа немецкого языка. Некоторые существительные сохраняют окончание — *s* во множественном числе (*Accessoires*), другие употребляются редко во множественном числе, о чём свидетельствует также словарная помета (*Pl.selten*): *Air, Boutique, Etikette*. Ряд лексем используется в основном во множественном числе (*meistPlural*): *Allüre, Babusche, Kreole, Dehors, Dessous, Espadrille*.

Интересные преобразования происходят с заимствованными прилагательными. Значительная часть из них изменяется графически, при этом можно проследить определённые закономерности:

1. Все прилагательные теряют непроизносимую конечную гласную: *textile* — *textil*.

2. Конечные согласные, не характерные для немецкого языка, заменяются на привычные: *antique* — *antik*, *cosmetique* — *cosmetisch*, *diplomatique* — *diplomatisch*.

3. Хотя словари в качестве заимствуемой формы указывают французские прилагательные мужского рода, в немецком языке существуют французские прилагательные, потерявшие не произносимый конечный гласный: *agressif* — *agressive* — *aggressiv*, *actuel* — *actuelle* — *aktuell*, *délicieux* — *délicieuse* — *deliziös*.

4. Без графических изменений в немецкий язык заимствуются французские прилагательные мужского рода, оканчивающиеся на согласные: *blond* — *blond*, *décent* — *dezent*, *discret* — *diskret*, *élégant* — *elegant*.

Поскольку во французском языке отсутствует склонение существительных и прилагательных, то при заимствовании немецкий язык в первую очередь графически приспособливает слово к предстоящему включению в систему падежей немецкого языка. Для этого язык-реципиент избавляется от лишних букв и оставляет формы прилагательных, оканчивающихся на согласные, т.к. к таким прилагательным легче присоединить падежные окончания: *ein schicker Mantel*; *eine saloppe Ausdrucksweise*; *ein poröses Hemd*; *die Möbel sind aus ganz ordinärem Holz*.

Исключения из этого наблюдения составляют прилагательные цветообозначения, они, как правило, заимствуются без графических изменений и медленно приспособляются к требованиям заимствующего языка. У цветообозначений немецкого языка французского происхождения сохраняется конечный гласный: *orange*, *cerise*, *bleu*, *rosé*. Они мало изменены графически (*chamois*, *apricot*, *ekrü*) и плохо приспособляются к склонению в немецком языке. К числу склоняемых цветообозначений относятся такие прилагательные, как *beige*, *violett*, *lila*, *flamboyant* (*bildungssp.*), *inkarna* (*Kunstwiss.*), *orange*. Следует отметить, что прилагательное *orange* до последнего времени считалось несклоняемым, многие грамматические издания и сегодня его к таковым причисляют. Но современная ситуация в немецком языке такова, что слово *orange* лексикографические источники рассматривают как склоняемое (электронный словарь Duden). Более того, но-

сители языка не воспринимают это прилагательное как несклоняемое.

Таким образом, представляется возможным говорить о том, что графическая и фонетическая адаптация французских заимствований области моды объяснима с точки зрения включения иноязычных слов в языковую систему немецкого языка и может рассматриваться как подготовительный этап к морфологической ассимиляции. Функционирование галлицизмов в немецком языке моды определяется не столько степенью их адаптации к системе языка-реципиента, сколько особым денотативным и коннотативным содержанием заимствованных единиц. Приведенные выше примеры показывают, что французские заимствования немецкой области моды служат обогащению словарного состава данной тематической группы и активизируют выразительные возможности языка. Достаточно большое количество галлицизмов в немецком языке моды свидетельствует об их релевантности и позволяет рассматривать французские заимствования как один из важнейших компонентов феномена мода в современном немецком языке. Кроме того, они мобилизуют немецкий язык на замену иностранного слова средствами национально-языка. Даже если французские заимствования не закрепились в немецком языке, они, несомненно, сыграли определенную роль в обогащении его словарного состава.

Библиографический список

1. Duden. Deutsches Universalwörterbuch. [Electronic resource]. — URL: <http://www.duden.de> (дата обращения: 20.12.2013).
2. Burdastyle [Electronic resource]. — URL: <http://www.burdastyle.de/> (дата обращения: 20.12.2013).
3. LAROUSSE Dictionnaire etymologique et historique du français. — Paris : Larousse, 1996. — 822 p.
4. LAROUSSE [Electronic resource]. — URL: <http://www.larousse.fr/dictionnaires/> (дата обращения: 20.12.2013).

ГРУЕНКО Светлана Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков.

Адрес для переписки: gruenkos@mail.ru

Статья поступила в редакцию 25.04.2014 г.

© С. Е. Груенко

Книжная полка

Полякова, Т. Ю. Английский язык в транспортной логистике : учеб. пособие для студентов по специальности 080506 «Логистика» / Т. Ю. Полякова, Л. В. Комарова. — М. : КНОРУС, 2014. — 240 с. — ISBN 978-5-406-03238-1.

Основная цель пособия — подготовить студентов бакалавриата технических вузов по профилю «Логистика и управление цепями поставок» к использованию английского языка в их будущей профессиональной деятельности. В соответствии с Примерной программой по дисциплине «Иностранный язык» для подготовки бакалавров (неязыковые вузы) пособие направлено на овладение студентами лексикой, используемой в сфере логистических операций, а также на формирование навыков и умений говорения, аудирования, чтения и письма. Соответствует Федеральному гос. образовательному стандарту высшего профессионального образования третьего поколения. Для студентов технических вузов, специализирующихся в области логистики и международных транспортных операций, а также для всех интересующихся проблемами логистики.

ИССЛЕДОВАНИЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫХ КОМПОНЕНТОВ В НЕМЕЦКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ БИОНИКИ

Данная статья посвящена исследованию интернациональных компонентов в немецкой терминологии бионики — науки, изучающей принципы строения и функционирования живых систем для решения инженерных задач. Автор объясняет причины возникновения интернационализмов в исследуемой терминологии, а также приводит их классификацию, дополняя большим количеством примеров.

Ключевые слова: интернационализмы, терминология, бионика, экстралингвистика.

Процесс интернационализации является основной тенденцией, характеризующей современное состояние языков мира, и представляет собой общую закономерность их взаимодействия в эпоху научно-технического прогресса. Постоянный рост интернациональных элементов в лексике, словообразовании и фразеологии разных языков свидетельствует о расширении и углублении межъязыковой общности и межъязыкового сродства, присущих языкам мира. Интернационализация научно-технической терминологии обусловлена ходом развития научно-технической мысли, международным характером ее существования и распространения, потребностью в систематизации, унификации и «международной узнаваемости» ее словесно-понятийного фонда.

Однако уровень интернационализации научной терминологии еще далеко не достаточен, если учесть, что интернациональные термины способствуют большему взаимопониманию специалистов. Тем более что бурный рост объема научно-технической лексики создает серьезные трудности для переводчиков во всем мире и задерживает, таким образом, экономическое и техническое развитие. Следовательно, всестороннее научное, экономическое и техническое развитие ставит задачу ускорить процесс использования интернациональной лексики в науке и технике.

В данной статье предпринята попытка исследования причин появления значительного количества терминов в немецкой терминологии бионики, имеющих в своей основе интернациональный компонент, а также систематизации интернационализмов согласно классификациям ведущих отечественных терминоведов.

Интернационализация терминологии — процесс сложный, неоднозначный и длительный. Он требует всестороннего исследования. Особенно это касается проблемы взаимодействия национальных и интернациональных терминов в отдельных терминосистемах. Хотя данная проблема весьма актуальна, она до сих пор остается малоисследованной. Пока само понятие «интернационализм» не нашло единого определения у лингвистов.

Так, Л. Б. Ткачева определяет интернационализмы как «слова, заимствованные рядом языков с одним и тем же значением, имеющие один язык — источник и несущие на себе специфику национального языка, заимствовавшего их». По мнению автора, большинство интернациональных терминов имеет в основе латинские и греческие морфемы, в то же время, появляется немало новых терминов интернационального характера, но имеющих национальную основу, создание которых обусловлено экстралингвистическими факторами. Таким образом, подчеркивается «национальный характер интернациональных терминов» [1, с. 54].

Согласно С. В. Гринёву-Гриневичу, главным критерием, позволяющим отличать интернационализмы от простых заимствований, является то, что они выражают международные понятия и функционируют в нескольких (не менее трех) национальных языках, а также сходство их форм и значений [2, с. 161].

И. В. Арнольд считает интернациональными «слова одинакового происхождения, встречающиеся в нескольких языках как результат одновременного и последовательного заимствования из одного источника», и уточняет, что они особенно заметны в различных терминологических системах [3, с. 112].

Таким образом, можно сделать следующий вывод: интернациональные термины — это термины, имеющие одно и то же значение, один и тот же язык — источник, почти одновременно проникшие в терминосистемы других языков, функционирующие в двух или более языках, но не всегда совпадающие графически или фонетически. Любой интернациональный термин имеет национальную основу, то есть в основе интернационального всегда лежит национальное.

В подтверждение данного факта приведём следующие примеры интернациональных терминов бионики в английском, немецком, французском, итальянском и русском языках (табл. 1).

Интернациональной терминологии посвящены работы таких ученых-терминоведов, как В. Б. Акуленко, Л. Бесекирски, М. Н. Володиной, которые

Таблица 1

Английский	Немецкий	Французский	Итальянский	Русский
molecule	Molekül	molécule	molecola	молекула
axon reflex	Axon-Reflex	réflexe axonal	assone-riflesso	аксон-рефлекс
determination	Determination	détermination	determinazione	детерминация
model	Modell	modèle	modello	модель
bionics	Bionik	bionique	bionica	бионика
aberration	Abberation	aberration	aberrazione	аберрация
chitin	Chitin	chitine	chitina	хитин
difusyn	Diffusion	diffusion	diffusione	диффузия

рассматривают ее с разных сторон: в плане диахронического взаимодействия языков, в ее терминоведческом аспекте, а также с точки зрения преподавания в родной или иноязычной аудитории.

Л. Бесекирска выделяет лингвистические и экстралингвистические причины, вызывающие лексическое заимствование как предпосылку для возникновения интернационализмов. В качестве лингвистических причин она называет семантическую загруженность слов родного языка, облегченное восприятие заимствований благодаря известным носителю языка интернациональным языковым элементам, краткость заимствованных терминов, хорошо выраженную способность к терминообразованию в соединении с элементами родного языка, «символьность» заимствований, когда составные части слова воспринимаются менее отчетливо, чем в родном языке, вследствие чего они могут иметь более целостное и широкое применение [4].

Экстралингвистическими причинами, по мнению автора, являются возрастание интернациональности науки начиная с эпохи Возрождения, заимствование термина вместе с понятием, впервые очерченным в исходном языке, знание специалистами-переводчиками иностранных языков и, наконец, взаимная приспособляемость участников речевого контакта, вследствие чего происходит упрощение соответствующих языковых систем [4].

В описании теоретических основ интернационализации лексики весомый вклад внес В. Б. Акуленко. Его классификация интернационализмов базируется на соотношении четырех признаков: значение, звучание, написание и мотивированность. На основе этих признаков он подчеркивает существование семи типов интернационализмов, отмечая, что только один из них имеет единство всех признаков; один расходуется в мотивированности; один — в написании, и еще один — в звучании; остальные три типа не совпадают по двум признакам. Но все семь типов имеют единство в значении [5, с. 102].

Увеличение числа интернациональных элементов в терминологии обусловлено требованием времени, потребностями жизни, которые, стимулируя многие инновации в языке, являются социальным фактором, непосредственно или опосредованно влияющим на языковую структуру. Известное положение, согласно которому отношения в языке становятся лингвистически существенными лишь благодаря их социальной сущности, не утратило своей актуальности и сегодня.

Анализ выборки заимствованных терминов в терминосистеме «Бионика», составленной путём сплошного просмотра оригинальной немецкой литературы, этимологических словарей, а также статей сети

Интернет, показал, что число интернационализмов, а именно, слов греко-латинского происхождения, либо гибридных терминов, в состав которых входят интернациональные компоненты, получившие распространение во многих языках мира, составило 783 терминоединицы (24,3 % от всей изучаемой терминологии общим объемом 3215 единиц).

Наличие столь значительного числа интернациональных терминов в немецкой терминологии бионики обусловлено целым рядом экстралингвистических факторов. Заимствования из латинского и греческого языков считалось неизбежным, так как эпоху Возрождения (XV — XVI вв.) принято считать началом становления бионики как науки и развития ее терминологии, поскольку именно в это время происходит небывалый рост открытий и изобретений на базе изучения живой природы, в том числе и человека. Первые письменные источники, где сравниваются машины с очень сильными живыми существами, похожими на человека, принадлежат итальянскому гуманисту Леону Багиста Альберти (1404 — 1472). Но прародителем бионики считается по праву Леонардо да Винчи (1452 — 1519), который выявил общность в принципах действия машин и живых организмов. Исследуя механику полета птиц и летучих мышей, он спроектировал *летательный аппарат с машущими крыльями, орнитоптер ~ Ornithopter*, взяв за основу строение крыла птицы. Свой революционные идеи и чертежи, основанные на наблюдениях и экспериментах, великий ученый зафиксировал в книге под названием *Sul volo degli uccelli* («О полете птицы»), которую можно считать первым научным трудом в области бионики на латыни [6, S. 63].

Почти безграничные возможности современной бионики имеют большое значение для деятельности ученых и специалистов разных отраслей знаний, вовлеченных в международное сотрудничество. Многие межотраслевые науки (биология, химия, физика, кибернетика и др.), обслуживающие бионику, способствуют тому, что в коммуникацию вступают не средства и методы исследований бионики, а люди, стремящиеся к постоянному развитию профессионально-научного знания. Для этих людей термины являются истинными посредниками в процессе интеллектуальной коммуникации. Говоря об интернационализации научно-технической терминологии, следует иметь в виду не только и не столько постоянное увеличение числа прямых заимствований слов-терминов национальными языками. Особенно актуальной сейчас является также активизация интернациональных морфем и словообразовательных моделей в процессе терминообразования, имеющих межязыковой, интернациональный характер.

В процессе исследования интернациональных терминов бионики в нашей работе мы придерживались классификации терминологических интернационализмов, разработанной М. Н. Володиной, которая выделяет:

— термины, созданные на базе конкретного языка и ставшие интернационалистами в результате заимствования многими языками;

— термины, созданные из древнегреческих и латинских элементов;

— семантические интернационализмы (кальки);

— национальные термины с общей семантической и морфологической мотивировкой;

— гибридо термины, образованные путем присоединения интернациональных основ к основам слов национального языка [7, с. 306].

Данная классификация позволила нам осуществить систематизацию интернациональных терминов бионики и выделить следующие группы и подгруппы:

Наименьшую группу интернационализмов, а именно 48 единиц (6 % от общего количества в нашей выборке), представляют термины, являющиеся полностью заимствованными из латинского или греческого языков, например: **Bifurkation** от лат. *bi-furcus*, *двузубый*, *раздвоенный*, **Chemie** от греч. *khemeia* *смесь соков*, **Dissoziation** от лат. *dissociatio* *разъединение*, **Diffusion** от лат. *diffusio* *рассеивание*, **Artefakt** *m* от лат. *artus* *слабый*, *сомнительный* + *factum* *поступок*, *деяние*, **Glykogen** от греч. *glykys* *сладкий* + *-gen* *порождать*, **Polymer** от греч. *polymos* + *meros* *часть*, **Theorie** от лат. *theoria* *теория*; **Desorption** от лат. *desorbere* *поглощать*, **Isotop** от греч. *isos-* *одинаковый* + *-topos* *место* [8].

Сложных терминов, состоящих из интернациональных основ и аффиксов греко-латинского происхождения насчитывается 285 терминов, то есть 36% от общего количества интернационализмов. Они обладают конкретной семантикой и часто выступают в терминах в функции полуаффиксов, например: **Aeroelastizität** *f* ~ *аэроупругость*; **Autotrophie** *f* ~ *автотрофия (способ питания организмов, при котором единственным источником углерода для построения клетки служит углекислота)*; **Autoantigen** *m* ~ *аутоантиген*; **Antimetabolit** ~ *антиметаболит*; **Antipode** ~ *антипод, прямая противоположность*; **Approximation** *f* ~ *аппроксимация, приближение*; **Biometrie** *f* ~ *биометрия*; **Biostrategie** *f* ~ *биостратегия*; **Biorisator** *m* ~ *биоризатор*; **Bioelektrizität** *f* ~ *биоэлектричество*; **Biomasse** *f* ~ *биомасса*; **Biozönose** *f* ~ *биоценоз (совокупность живых организмов участка среды обитания)*; **Determination** *f* ~ *детерминация, таксономия (основа классификации животных и растений)*; **Homogenität** *f* ~ *гомогенность, однородность*; **Heterogenität** *f* ~ *гетерогенность, неоднородность*; **Макромolekül** *n* ~ *макромолекула, гигантская молекула (белков)*; **Chemorezeptor** *m* ~ *хеморецептор*; **Polymerisationstendenz** *f* ~ *тенденция к полимеризации* и др.

Количество терминов, имеющих в основе сочетание интернациональных и национальных элементов языка, нами обнаружено 450, что составляет 57 % от общего количества интернационализмов в нашей выборке). Такие терминологические элементы удобны тем, что их значение известно представителям конкретной специальности, и поэтому сам термин, построенный с участием таких элементов, будет понятен учёным, говорящим на самых разных языках. Их использование способствует большей мотивиро-

ванности интернациональных терминов, которые обладают доступностью, точностью, краткостью и легкостью образования. Данные термины можно распределить на следующие подгруппы:

— дериваты, состоящие из интернациональной основы и немецкого префикса или суффикса (116 терминов, 15 %), например: **Konvexität** *f* ~ *выпуклость*; **Filter** *m* ~ *фильм*; **Isomerisierung** *f* ~ *изомеризация*; **Maximierung** *f* ~ *установление наивысшего предела*; **Modellierung** *f* ~ *моделирование*; **Differenzierung** *f* ~ *дифференцирование*; **Oxidierbarkeit** *f* ~ *окисляемость*; **Polarisierbarkeit** *f* ~ *поляризуемость* и др.;

— гибриды, образующиеся в результате присоединения интернациональных терминологических элементов к основам слов национального языка. Национальные и интернациональные элементы в таких словах могут выступать в качестве определяемой или определяющей основ (334 термина, 43 %), например: **Wasserstoffdonator** *m* ~ *донор водорода*; **Ionengitter** *m* ~ *ионная решетка*; **Molekülschwankung** *f* ~ *колебание молекулы*; **Aussagenlogik** *f* ~ *логика высказываний, пропозициональная логика*; **Metallverbindung** *f* ~ *соединение металла*; **Reaktionsbereitschaft** *f* ~ *реакционная готовность*; **Kondensationsreaktion** *f* ~ *реакция конденсации*; **Rotationsverdampfer** *m* ~ *ротационный испаритель*; **Aufprallexperiment** *n* ~ *аварийное испытание, краш-тест*; **Bewegungskonstanz** *f* ~ *константность движения*; **Bioklebstoff** *m* ~ *биологический адгезив*; **Bionikforschung** *f* ~ *бионическое исследование*; **Bionikrechner** *m* ~ *бионическая вычислительная машина*; **Aktivitätskoeffizient** *m* ~ *коэффициент активности*; **Valenzelektronkonfiguration** *f* ~ *конфигурация валентного электрона*; **Divergenzschialtung** ~ *неправильное соединение нейронов*; **Chemosensitivität** *f* ~ *чувствительность к химическим веществам* и др.

Таким образом, проведенные нами исследования немецкой терминологии бионики позволяют сделать вывод о явной тенденции к интернационализации ее терминов. Привлечение большого числа интернационализмов детерминировано их социальной значимостью и коммуникативной актуальностью. Также среди факторов, влияющих на активизацию этого процесса, можно выделить интенсификацию научно-технического прогресса и, следовательно, рост потребности международных научных контактов, что, в свою очередь, ведет к тесным языковым контактам и способствует появлению единых терминов, обслуживающих ученых, говорящих и пишущих на разных языках. Специалистами используются интернационализмы, не требующие перевода с одного языка на другой. Присутствие их в немецкой терминологии бионики можно считать доказательством того, что терминологии взаимодействуют, обогащают друг друга и способствуют коммуникации в научной сфере. Мы рассматриваем это как положительное и неизбежное явление в период глобализации современного общества.

Библиографический список

1. Ткачева, Л. Б. Основные закономерности английской терминологии / Л. Б. Ткачева. — Томск : Изд-во Томского ун-та, 1987. — 200 с.
2. Гринёв-Гриневиц, С. В. Терминоведение / С. В. Гринёв-Гриневиц. — М. : Академия, 2008. — 304 с.
3. Арнольд, И. В. Словообразование современного английского языка / И. В. Арнольд. — М., 1976. — 234 с.
4. Бесекирска, Л. Интернациональная лексика в медицинской терминологии русского языка : дис. ... д-ра филол. наук / Л. Бесекирска. — М., 1997. — 265 с.

5. Акуленко, В. Т. Вопросы интернационализации словарного состава языка / В. Т. Акуленко. — Харьков : Изд-во Харьковского ун-та, 1972. — 215 с.

6. Nachtigall, W. Bionik. Grundlagen und Beispiele für Ingenieure und Naturwissenschaftler / W. Nachtigall. — Berlin : Springer-Verlag, 2002. — 545 S.

7. Володина, М. Н. Соотношение национальных и интернациональных элементов в процессе терминологических номинаций : дис. ... канд. филол. наук / М. Н. Володина. — М., 1984. — 218 с.

8. DUDEN. Das Herkunftswörterbuch. Etymologie der

deutschen Sprache — 4., neu bearb. Auflage. — Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich : Dudenverlag, 2006. — 960 S.

ШАРАПОВА Татьяна Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков.

Адрес для переписки: Treselle_omsk@mail.ru

Статья поступила в редакцию 12.05.2014 г.

© Т. Н. Шарапова

УДК 811.111:81

Н. В. ГОРОХОВА

Омский государственный
технический университет

ПРОБЛЕМА МНОГОЗНАЧНОСТИ ПОНЯТИЯ «ДИСКУРС»

Статья раскрывает содержание понятия «дискурс» как одного из способов репрезентации языковой картины мира специалиста. Изучение дискурса в целом и наиболее значимых его компонентов — специфический объект исследования. Основное внимание автор уделяет критическому анализу многозначности термина дискурс. Приведенная в статье оценка дискурса позволяет выделить его экстралингвистическую сущность в области лексики, синтаксиса и стилистики.

Ключевые слова: дискурс, язык, речь, текст, коммуникация.

Понятие *дискурс* в современной лингвистике становится актуальным для исследований разнообразных процессов коммуникации, целенаправленной лингвоментальной деятельности адресанта и адресата с целью информационного обмена. При этом дискурс как специфический объект исследования понимается широко и неоднозначно, что делает необходимым проведение экскурса в данное понятие.

Термин *discourse analysis* впервые был введен основоположником трансформационного и дистрибутивного анализа З. Харрисом в 1952 году и рассматривался как высказывание, сверхфразовая единица в контексте других единиц и связанной с ними социокультурной ситуации. В настоящее время дискурс является объектом исследований различных дисциплин: компьютерной лингвистики, психологии, философии, логики, социологии, педагогики, политологии и многих других.

В лингвистике термин *дискурс* стал активно использоваться в 70-е годы, когда интерес к трансформационной грамматике стал угасать и исследователи обратились к теории текста, к изучению естественного человеческого языка в его коммуникативной функции, к изучению механизмов речи.

Несмотря на активное функционирование этого термина в метаязыке современной лингвистики, «мы по-прежнему очень далеки от создания единой и целостной теории дискурса» [1, с. 9]. Подходы к пониманию сущности дискурса у современных исследователей неоднозначны, что объясняется полисемичностью этой терминологической единицы. «Дискурс (франц. *discourse*, англ. *discourse*) — многозначный термин лингвистики текста, употребляе-

мый рядом авторов в значениях, почти омонимичных. Важнейшие из них:

- 1) связный текст;
- 2) устно-разговорная форма текста;
- 3) диалог;
- 4) группа высказываний, связанных между собой по смыслу;
- 5) речевое произведение как данность — письменная или устная» [2, с. 467]. Дискурс определяется как использование языка для выражения особой ментальной составляющей и имеет восемь значений [3, с. 226 — 227].

Анализ лингвистической литературы позволяет заключить, что в настоящее время понятие *дискурс* представляется актуальным для многочисленных и разнообразных исследований процесса коммуникации и имеет достаточно широкий диапазон значений. Приведем наиболее часто встречающиеся в современной литературе определения данного понятия.

Дискурс — а) связный текст: «Под дискурсом ... будут пониматься два или несколько предложений, находящихся друг с другом в смысловой связи. ... дискурс может состоять и из одного предложения при условии, что он будет обладать всеми признаками, которыми обладают два или несколько предложений, находящихся в смысловой связи и образующих эксплицитный дискурс» [4, с. 170 — 171].

Дискурс — б) частный случай текста: «Дискурс — тоже текст, но такой, который состоит из коммуникативных единиц языка — предложений и их объединений в более крупные единства, находящиеся в непрерывной внутренней смысловой связи, что позволяет воспринимать его как цельное

образование. Дискурсами можно считать, например, текст рассказа, статьи, выступления, стихотворения... Дискурс всегда является текстом, но... не всякий текст является дискурсом» [5, с. 8–9].

Дискурс — в) сумма текстов: «Увидеть в дискурсе единство составляющих элементов, увидеть больше, чем простую сумму разрозненных субтекстуальных образований, выделить некое субстанциональное ядро, отражающее доструктурный опыт, значит приблизиться к пониманию феноменологического смысла дискурса. Текст, в котором исследуются многоаспектные феномены, в свою очередь, отраженные в других текстах, в совокупности представляют важное и своеобразное явление. Суммируясь, они воссоздают, по-своему актуализируют своеобразный дискурс, который действительно обладает цельностью, несводимой ни на что отдельное» [6, с. 56].

Под влиянием концепции Э. Бенвениста, считавшего дискурс речью, неотделимой от говорящего индивида, а также трудов голландского ученого Т. ван Дейка, рассматривавшего текст в качестве статического объекта, а дискурс не как связанную последовательность предложений или речевых актов, а как способ актуализации текста в определенных ментальных и прагматических условиях в связи с экстралингвистическими факторами [7, с. 68], понятия *дискурс* и *текст* стали разграничивать, выделяя различные аспекты их представления: дискурс определялся в социальном аспекте, а текст — в языковом. Подобный подход продиктован новым, более широким взглядом на текстовую деятельность человека.

Четкие критерии разграничения понятий *дискурс* и *текст* представлены в работах многих ученых, по мнению которых под дискурсом следует иметь в виду когнитивный процесс, связанный с реальным речепроизводством, созданием речевого произведения, текст же является конечным результатом процесса речевой деятельности, выливающимся в определенную законченную форму. Такое противопоставление реального говорения его результату помогает, по мнению исследователей, понять и то, в каком смысле текст может трактоваться как дискурс: «Только тогда, когда он реально воспринимается и попадает в текущее сознание воспринимающего его человека. То есть дискурс — явление процессуальное, деятельное, синхронно осуществляемый процесс порождения текста или же его восприятия» [8, с. 19].

Все более широкое распространение в современной лингвистике получает понимание дискурса продолжающее французскую семиотическую традицию об отождествлении дискурса с речью, преимущественно устной, неотделимой от «человека говорящего»: «Даже самые отвлеченные вещи предстают в речи пропущенными сквозь призму наших нужд, потребностей и желаний в смутном свете субъективного восприятия» [9, с. 328]. Дискурс определяется как вербально выраженный продукт коммуникативного действия, как ментальное образование, возникающее в сознании реципиента, отражающее основные и дополнительные смыслы и существующее столько, сколько длится процесс восприятия и понимания текста: «Текст, образовавшийся в процессе его саморазвития и самопорождения, когда смысл «на выходе» становится адекватным замыслу отправителя текста» [10, с. 233].

Существует и определение, в соответствии с которым «дискурс (от франц. *discourse* — речь) —

связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и в механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс — это речь, «погруженная в жизнь»» [11, с. 136–137]. Такое понимание дискурса поддерживается многими современными лингвистами: «Дискурс есть вербализованная речемыслительная деятельность, понимаемая как совокупность процесса и результата и обладающая как собственно лингвистическим, так и экстралингвистическим планами» [12, с. 13].

Трансформация понятия *дискурс* в диахронии и отношение к нему современных лингвистов представлено в определении этого понятия: «Если в 60–70 годы дискурс понимался как связанная последовательность предложений или речевых актов, то с позиций современных подходов дискурс — это сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста» [13, с. 8].

Это определение дискурса связано с разработанной концепцией коммуникативной природы текста, в соответствии с которой дискурс — комплексное коммуникативное событие, «происходящее между говорящим, слушающим (наблюдателем и др.) в процессе коммуникативного действия в определенном временном, пространственном и прочем контексте. Это коммуникативное действие может быть речевым, письменным, иметь вербальные и невербальные составляющие» [7, с. 121–122]. Основными чертами дискурса в этом понимании считают контекстуальность, а также личностность, процессуальность, ситуативность и замкнутость.

Субъект высказывания может существовать только в акте высказывания и представляет собой категорию дискурса, «реальность речи» [3, с. 226]. Рассмотрение дискурса как процесса, протекающего при наличии как минимум двух участников, корректирующих высказывания друг друга в процессе общения и совместными усилиями разрабатывающих структуру дискурса в каждый данный момент, предопределяет процессуальность дискурса [14, с. 124]. Ситуативный подход к пониманию дискурса открывает возможности для привлечения в процессе его анализа различных экстралингвистических факторов. Дискурс реализуется во времени и пространстве, что также предопределяет его ситуативность. Как речевое произведение ситуативного характера, дискурс рассматривается довольно часто в научной литературе [15, с. 37].

Понимание дискурса как коммуникативно-речевого образца речевого поведения, необходимость присутствия в одно время и в одном месте автора и реципиента речи, интеракции как взаимодействие представителей определенных социальных и профессиональных групп сближают понятие *дискурс* с понятием *функциональный стиль*, или *подстиль*. Особенности национальных лингвистических школ стали причиной того, что при наличии термина *функциональный стиль* потребовалось внедрять в метаязык лингвистики термин *дискурс*: «В то время как в русской традиции... «функциональный стиль» означал прежде всего особый тип текстов..., но также и соответствующую каждому типу лексическую систему и свою грамматику, в англосаксонской

традиции не было ничего подобного прежде всего потому, что не было стилистики как особой отрасли языкознания» [16, с. 36].

Понимание дискурса как текста или фрагмента текста, соотнесенного с особым «возможным» миром, связано с основополагающей для лингвистики XX века метафорой М. Хайдеггера «язык — дом бытия»: «Язык есть дом для бытия. В жилище языка обитает человек. Поскольку мы, люди, чтобы быть тем, что мы есть, встроены в язык и никогда не сможем из него выйти... в поле нашего зрения существо языка оказывается всякий раз лишь в той мере, в какой мы сами оказываемся в его поле» [17, с. 53].

Мнение о соотнесенности дискурса с «возможными мирами» высказывалось и позднее: «...дискурс — это «язык в языке», но представленный в виде особой социальной данности. Дискурс реально существует не в виде своей «грамматики» и своего «лексикона», как язык просто. Дискурс существует прежде всего и главным образом в текстах, но таких, за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, — в конечном счете — особый мир... Это — «возможный» (альтернативный) мир в полном смысле этого логико-философского термина. Каждый дискурс — это один из «возможных миров». Само явление дискурса, его возможность и есть доказательство тезиса «Язык — дом духа» и, в известной мере, тезиса «Язык — дом бытия» [16, с. 44–45].

Созвучно этому отношению к дискурсу и мнению других ученых, считающих, что в дискурсе отражается менталитет и культура как национальная, всеобщая, так и индивидуальная, частная [18, с. 77]. Дискурс при таком подходе тесно связан с такими понятиями, как *жанры речи* [19, с. 43], *функциональные стили речи* [20, с. 83], *языковые стили* [21, с. 35] — например, «научный дискурс», «новостной дискурс», «политический дискурс».

Представленные подходы к пониманию дискурса свидетельствуют о довольно широком диапазоне видения дискурсивного существования языка. Совершенно справедливо замечание о том, что «Дискурс многосторонен, и достаточно очевидна ограниченность любых попыток отразить его моделирование, сведя дискурс к одному или двум измерениям» [22, с. 49].

Исследователи обращают внимание на полифункциональность дискурса.

Выделяются следующие основные *функции* дискурса:

- *иллокутивная*, проявляющаяся в процессе структурирования элементов содержания в тексте и ориентированная на внутреннюю структуру речевого акта;

- *перлокутивная*, актуализирующаяся в отношениях между текстом и речевой ситуацией и ориентированная на внешнюю структуру речевого акта;

- *оценочная*, направленная на осознание интенции говорящего и ее оценку;

- *межличностная*, позволяющая устанавливать и поддерживать социальные отношения (на основе этой функции выделяются социальные и профессиональные группы, а индивид отождествляется с определенной группой и в определенном статусе);

- *прагматическая*, характеризующая стремление говорящего ясно выразить цель высказывания и соотнести деятельность людей в контексте реальной ситуации.

В связи с этим лингвистами выделяются отличительные категориальные *признаки* дискурса:

- а) являться знакообразующей базой в силу своей многоплановой структуры, на разных уровнях которой осуществляется когнитивная обработка информации, поступающей от всех участников коммуникативно-прагматической ситуации;

- б) представлять семантическое единство, обусловленное целостностью событийного восприятия коммуникативно-прагматической ситуации;

- в) представлять сочетание социального и интроспективного, проявляющегося в отражении социально значимых проявлений внутреннего мира человека;

- г) обладать смыслогенерирующей и миропорождающей способностью, проявляющейся в процессе лингвокреативного осмысления событийного содержания, в результате чего и происходит «погружение в жизнь» [23, с. 185–186]. Таким образом, «...для дискурса характерны динамизм, ситуативность и экстралингвистическая направленность» [23, с. 185].

Многие ученые рассматривают дискурс как сложное коммуникативное событие, особую форму существования языка, в котором выражается (отражается) ментальность конкретного этноса, «как совокупность знаний в той или иной области общечеловеческой культуры, фиксируемую знаковыми системами» [24, с. 73]. Под областями общечеловеческой культуры понимаются все сферы человеческой деятельности, в частности и те, основной функцией которых является выработка, теоретическая систематизация и практическое использование объективных знаний о действительности, лежащих в основе картины мира народа. Понимание дискурса как коммуникативного события не ограничивается исключительно сферой устной речи. Дискурсивная деятельность распространяется и на письменный текст, представляющий речевое произведение автора текста и его продуцента. Создаваемый ученым невербальный текст реально воспринимается специалистом и попадает в его текущее сознание, что позволяет трактовать текст как дискурс [8, с. 19]. Данная трактовка дискурса интерпретирует дискурс как «особое использование языка», предполагает существование дискурса в текстах, признает наличие «своего», особого дискурса конкретной социальной и профессиональной группы, «возможный альтернативный мир», актуализирует особую лексику и грамматику в различных типах дискурса. Такое понимание дискурса позволяет с помощью лингвистического анализа воссоздать не только лексические, грамматико-синтаксические особенности языковой личности специалиста, но и ее мировидение и один из важных элементов языковой картины мира индивида — языковой картины мира представителя определенной профессии.

Одним из основных параметров языковой личности является ее принадлежность к той или иной социальной или профессиональной группе, владение ею тем или иным типом дискурса, одной из главных составляющих которого является сумма профессиональных знаний. Дискурс специалиста напрямую зависит от его коммуникативно-профессиональных потребностей, что делает близким исследованию мнение о том, что «дискурс следует рассматривать как деятельность с языковыми и экстралингвистическими составляющими, но деятельность коммуникативно-прагматическую, а не речемыслительную» [23, с. 185].

Конкретный социально-профессиональный тип языковой личности определяет ее лингвистические и дискурсивные характеристики, представитель определенного типа языковой личности имеет сходные признаки дискурсивной деятельности и речевого мышления. «Все языки ориентированы на дискурс, ибо любая языковая система именно для того и существует, чтобы породить и анализировать текст, т.е. дискурс» [24, с. 38]. Являясь отражением социокультурных знаний и социальных практик языковой личности, дискурс устанавливает своего рода рамки как для возможных личностных, индивидуальных «построений», так и для возможных «построений» определенной социальной и профессиональной группы. Исследование строения дискурса социально-профессионального типа языковой личности выделяет экстралингвистическую сущность дискурса и выявляет его своеобразие в области лексики, синтаксиса, стилистики.

Библиографический список

1. Кубрякова, Е. С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике / Е. С. Кубрякова // Дискурс, речь, речевая деятельность : сб. обзоров. — М. : ИНИОН, 2000. — С. 7–25.
2. Николаева, Т. М. Краткий словарь терминов лингвистики текста / Т. М. Николаева // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. 8. Лингвистика текста. — М. : Прогресс, 1978. — С. 467–472.
3. Серю, П. Квадратура смысла. Французская школа дискурса / П. Серю. — М. : Прогресс, 1999. — С. 225–290.
4. Звегинцев, В. А. Предложение и его отношение к языку и речи / В. А. Звегинцев. — М. : Изд. МГУ, 1976. — 308 с.
5. Борботько, В. Г. Элементы теории дискурса : учеб. пособие / В. Г. Борботько. — Грозный : ЧИТУ, 1981. — 303 с.
6. Мисонжеников, Б. Я. От «сущностного смысла» — к тексту, погруженному в жизнь / Б. Я. Мисонжеников // Логос. Общество. Знак (К исследованию проблемы феноменологии дискурса) : сб. науч. тр. — СПб : ООО Выставочный ред. изд. комп. БРИГ-ЭКСПО, 1997. — С. 187–212.
7. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. Дейк ; под ред. В. И. Грасимова. — М. : Прогресс, 1989. — 312 с.
8. Кубрякова, Е. С. Виды пространств текста и дискурса / Е. С. Кубрякова, О. В. Александрова // Категоризация мира: пространство и время : материалы науч. конф. — М. : МГУ, 1997. — С. 19.
9. Балли, Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. — М. : Иностранная литература, 1961. — 369 с.
10. Костомаров, В. Г. Субъективная модальность как начало дискурса / В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова // Меж-

дународ. юбил. сессия, посвящ. 100-летию со дня рожд. В. В. Виноградова. — М., 1995. — С. 233–234.

11. Арутюнова, Н. Д. Логический анализ языка. Семантика начала и конца / Н. Д. Арутюнова. — М. : Индрик, 2002. — 648 с.
12. Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. — М. : Гнозис, 2003. — 375 с.
13. Караулов, Ю. Н. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса / Ю. Н. Караулов, В. В. Петров // Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. — М. : Прогресс, 1989. — С. 5–11.
14. Дымарский, М. Я. Проблемы текстообразования и художественный текст: На материале русской прозы XIX–XX вв. / М. Я. Дымарский. — СПб. : СПГУ, 1999. — 284 с.
15. Степанов, Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип причинности / Ю. С. Степанов // Язык и наука конца 20 века : сб. статей. — М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995. — С. 35–73.
16. Cook G. Discourse. — Oxford: — OUP, 1990.
17. Миронова, Н. Н. Оценочный дискурс: проблемы семантического анализа / Н. Н. Миронова // Известия АН. Сер. Литература и язык. — 1977. — Т. 56. — № 4. — С. 52–59.
18. Spolsky Bernard. Sociolinguistics. — Oxford University Press, 1998. — 205 p.
19. Jucker, A. H. Discourse analysis and relevance / A. H. Jucker // Future perspectives of dialogue analysis. — Tübingen, 1995.
20. Будагов, Р. А. Введение в науку о языке / Р. А. Будагов. — М. : Просвещение, 1965. — 492 с.
21. Чейф, У. Память и вербализация прошлого опыта / У. Чейф // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. 12. — Прикладная лингвистика. — М., 1983. — С. 35–73.
22. Алефиренко, Н. Ф. Лингвокультурологическое содержание понятия «дискурс» в современной когнитивной лингвистике / Н. Ф. Алефиренко // Русское слово в мировой культуре : материалы X конгр. МАПРЯЛ. — Пленарное заседание. — Т. 1. — СПб. : Политехника, 2003. — С. 9–18.
23. Карасик, В. И. О категориях дискурса / В. О. Карасик // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты : сб. науч. тр. — Волгоград — Саратов : Перемена, 1998. — С. 185–197.
24. Касевич, В. Б. Буддизм. Картина мира. Язык / В. Б. Касевич. — СПб. : Центр «Петербургское востоковедение», 1996. — 275 с.

ГОРОХОВА Наталья Вячеславовна, доцент кафедры иностранных языков.
Адрес для переписки: n.gorokhova@nxt.ru

Статья поступила в редакцию 17.03.2014 г.

© Н. В. Горохова

Книжная полка

ББК 81.432.4/Р32

Ревина, Ю. Н. Дискурсивный аспект исследования технической терминологии (на материале автомобильной терминологии немецкого и русского языков) : монография / Ю. Н. Ревина; ОмГТУ. — Омск : ОмГТУ, 2014. — 82 с. — ISBN 978-5-8149-1787-4.

Анализируются различные подходы к пониманию дискурса, предлагается авторское определение понятий «автомобильный дискурс», «автомобильный медийный дискурс», описывается функционирование терминов и других лексических единиц в автомобильном медийном дискурсе сопоставляемых языков, выявляется их ядерно-периферийная организация, а также анализируется метафорическая номинация автомобиля и его составляющих. Адресуется терминоведам, лингвистам, преподавателям и аспирантам; будет полезна работникам производства соответствующей отрасли.

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ МНОГОКОМПОНЕНТНЫХ ТЕРМИНОВ В НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ АНГЛИЙСКИХ ТЕКСТАХ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ «ВАГОНЫ И ВАГОННОЕ ХОЗЯЙСТВО»

Статья касается структурных особенностей образования многокомпонентных терминов в научно-технических текстах. В статье даны некоторые способы образования многокомпонентных терминов. Все примеры взяты из оригинальных английских технических текстов.

Ключевые слова: термин, определение, развитие языка, образование термина, структурные особенности, словосочетание.

Развитие науки и техники невозможно без получения информации из зарубежных периодических изданий, патентной литературы и различных специализированных публикаций. Знание общеупотребительных и общенародных слов основного словарного фонда недостаточно для правильного восприятия текста, так как каждая область науки, техники, искусства и т. д. имеет слова и словосочетания, термины, точно обозначающие какое-либо понятие и употребляемые с оттенком специального научно-го значения.

Целью данной статьи является рассмотрение некоторых особенностей образования терминов и терминологических сочетаний в научно-технических английских текстах.

«Термин» в переводе с латинского *terminus* — предел, граница, пограничный знак. Можно предположить, что появление первых терминов связано с работами древнегреческих ученых (Платон, Аристотель, Гиппократ и др.) еще до новой эры. В начале средних веков развитие арабской науки и философии, уровень которых был выше европейского, способствовало образованию научных терминов.

В науке существуют различные точки зрения на определение понятия термина, что обусловлено социальным, техническим, научным и культурным развитием общества. В XVII–XVIII веках Готфрид Вильгельм Лейбниц, немецкий философ и языковед, основатель и президент Берлинского научного общества (с 1700 г.), дал дефиницию термина как единицы речи, которая не находит широкого употребления, так как используется одним определенным человеком или определенной группой людей.

Многие ученые-языковеды России в своих работах также рассматривали проблемы терминологии (Даль В. В., Потебня А. А., Щерба Л. В. и др.) и их трактовка понятия термина различна.

На наш взгляд, А. А. Реформатский дал наиболее полную дефиницию термина и способы появления терминов в языке. «Термины — это слова

специальные, ограниченные своим особым назначением; слова, стремящиеся быть однозначными как точное выражение понятий и название вещей. Это необходимо в науке, политике и дипломатии. Термины существуют не просто в языке, а в составе определенной терминологии. Таким образом, терминология — это совокупность терминов данной отрасли производства, деятельности, знания, образующая особый сектор лексики, наиболее доступный сознательному регулированию и упорядочению» [1]. Е. В. Алешанская отмечает, что терминология (как совокупность терминов) составляет автономный сектор любого национального языка, тесно связанный с профессиональной деятельностью [2].

На каждом новом историческом этапе развития науки и техники термины либо сохраняли свое значение, либо расширяли его и приобретали новое. Так, профессор В. Д. Аракин в своей работе «Очерки по истории английского языка» приводит пример изменения значения слова *car*, когда оно вышло в сложное образование. Первоначально оно обозначало четырехколесную повозку, телегу, затем любой экипаж. Затем *car* вошло в сложное словосочетание *railway car*. Дальнейшее развитие транспорта, появление электричества и городских железных дорог привело к появлению слова *tramcar*. Наконец, появление автомобиля дало новое сложное слово *motor car*. Так, к значению слова «телега» для обозначения новых предметов прибавились значения «железнодорожный вагон», «вагон трамвая» и «автомобиль».

Прообразом современных железных дорог, *railways*, стали так называемые *wagonways*. *Wagon* — это транспортное средство с четырьмя колесами, которое обычно тянули лошади для перевозки тяжелых грузов. Еще с XVI века такие примитивные дороги с деревянными рельсами использовались в Германии. В XIX веке в Северной Америке появился *wagon train*, поезд, который перевозил

людей. Когда в XVIII веке деревянные рельсы заменили на железные, появился термин *railway*. А. В. Суперанская и др. полагают, что «...почти каждый шаг в науке знаменуется созданием или уточнением терминов. Обычные слова обладают свободой употребления и нечеткостью смысла, так как обыденное знание недостаточно точно, и общий язык приспосабливается к такому знанию. Когда наши знания становятся абсолютно точными, нам требуется точный язык, где каждый термин имеет строго фиксированное значение. Таковым язык науки становится благодаря употреблению терминов» [3, с. 19].

По нашим наблюдениям, многие английские технические термины образуются из слов общенационального языка, но приобретают в пределах своего использования конкретное значение и лишены какой-либо эмоциональной окраски. Так, следующие английские технические термины возникли при переосмыслении значений уже существующих в языке общеупотребительных слов:

point-to-point protocol — протокол двухточечной связи

rapid-access disk — дисковое запоминающее устройство с быстрой выборкой

Internet service provider — поставщик услуг Интернет

field squeeze — сжатие полей

garbage collection — чистка памяти, сборка «мусора» (в базе данных).

Как мы уже отмечали, слова в языке изменяют значение в связи с уровнем развития общества и расширением сферы их употребления. Например, слово *driver* первоначально значило *наблюдатель над рабами*, затем его стали использовать по отношению к человеку, жизнь которого была связана с управлением каким-либо транспортным средством — *извозчик, кучер, водитель, шофер*. С дальнейшим развитием техники оно стало означать *поводок, обертка, двигатель*. Когда были созданы локомотивы, то человека, который вел локомотив, стали называть *locomotive driver*. С появлением компьютеров слово *driver* получило новое значение — программное обеспечение, управляющее работой какой-либо части оборудования, связанной с компьютером. Например, *printer driver* — программное обеспечение для управления работой принтера.

Объективные процессы развития языка дают возможность выявить и проанализировать ряд закономерностей структуры и семантики многокомпонентных образований.

Слова, составляющие многокомпонентные словосочетания, в основном сохраняют фонетическую, графическую и грамматическую структуры входящих в него лексических единиц.

Семантика, смысловая сторона отдельных языковых единиц, составляющих данные словосочетания, часто остается неизменной, так как многокомпонентные словосочетания состоят из слов основного словарного фонда. Но язык развивается, меняются значения этих единиц, появляются новые реалии, которые находят свое отражение в структурном, фонетическом, грамматическом и семантическом аспектах языка. Анализ социально-экономических и лингвистических факторов позволяет понять пути и способы возникновения новых многокомпонентных словосочетаний.

К одной из важнейших особенностей мышления человека можно отнести такое явление, когда одно понятие употребляется им вместо другого на осно-

вании внутренней или внешней связи между ними и приобретает новое значение.

Словосочетание *hand shake*, рукопожатие, в сфере компьютерных технологий при сопоставлении двух близких по своему характеру понятий означает синхронизация интерфейса и периферийного оборудования.

В современном английском научно-техническом языке «терминологические сочетания» можно разделить на две категории: устойчивые словосочетания, которые зафиксированы в технических словарях и справочниках, и произвольные, созданные авторами.

Рассмотрим некоторые структурные особенности устойчивых терминологических словосочетаний.

1. Существительное — существительное

air gap — воздушный зазор

amplitude modulation — амплитудная модуляция

arc furnace — дуговая электропечь

contact loss — потеря контакта.

Многозначность лексической единицы, используемой в качестве термина, отражает динамическую модель языка. В связи с непрерывным развитием науки и техники термин подвергается изменению, дополнению и расширению своего значения.

Многокомпонентный термин такой структуры *text wrap* может иметь несколько значений в зависимости от контекста: *text wrap* — завертывание текста вокруг окна или внутри него; оборка текстом иллюстраций; текст в графике; текстовый фрагмент сложной неправильной формы.

Одинаковый компонент термина в сочетании с другим компонентом изменяет значение данной терминологической единицы.

running rail — ходовой рельс

running surface — поверхность катания колеса

running position — рабочее положение

running edge — боковая грань головки рельса

running check — текущий контроль.

Одна и та же лексическая единица в составе двух различных терминов, хотя они оба и относятся к экономике, может иметь различное значение

Job market — рынок труда

Job work — сдельная работа.

Иногда терминологические сочетания могут состоять из трех и более существительных, представляющих единую цепочку без каких-либо соединительных элементов:

current collection device — устройство токосъема

diode frequency converter — диодный преобразователь частоты

gate threshold voltage — пороговое напряжение затвора

power distribution board — распределительный щит

Internet Message Access Protocol — протокол доступа к сообщениям в Интернет

power system stability limit — предел устойчивости энергетической системы.

2. Один из компонентов терминологического сочетания, состоящего из двух существительных, может иметь определение, выраженное прилагательным:

adjustable speed motor — электродвигатель с регулируемой скоростью вращения

open-top container — вагон-контейнер с открытым верхом, открытый вагон-контейнер

real-time compression — компрессия в реальном масштабе времени

high-frequency amplifier — усилитель высокой частоты.

3. Определяющее слово может быть числительным:

three-letter code — трехзначный код

one-way link — односторонняя связь.

4. Определением основного слова терминологического сочетания могут быть два существительных, разделенных или неразделенных дефисом и одновременно соединенных союзом and:

cause-and-effect diagram — причинно-следственная диаграмма

rate-and-repair process — оценочный и ремонтный процесс

goods-and-services tax — налог на товары и услуги.

5. Существительное, входящее в термин, может иметь предлог:

in-house software — программное обеспечение внутреннего пользования

out-of-band signalling — управление по внешнему каналу

running in test — пусковые испытания.

6. Особый интерес представляют терминологические сочетания, в состав которых входит глагольная форма:

power cut-out switch — выключатель-предохранитель

keyed file access system — система доступа к файлу по ключу

reliability-centered maintenance — техническое обслуживание, направленное на обеспечение надежности

insulated gate bipolar transistor — биполярный транзистор с изолированным затвором

out-of-scheduled repair — внеплановый ремонт.

По частоте использования нами зафиксированы глаголы в форме Past Participle.

7. Терминологическое сочетание, представляющее единое понятие (целое), может объединять два и более терминов:

DC high voltage power supply — энергоснабжение постоянным током высокого напряжения

electrical equipment hire-and-repair shop — прокатно-ремонтный цех электрооборудования

power and energy metering system — система измерения мощности и электроэнергии.

8. В язык английской технической литературы вошли термины, связанные с именами ученых, работающих в какой-либо области науки или техники. Французский ученый Кулон (1736–1806) исследовал трения сухих поверхностей, движущихся при низких скоростях. С его именем связано появление термина Coulomb friction — сухое трение.

Разновидность цилиндрических функций названа по имени немецкого ученого Ф. В. Бесселя (1784–1846) Bessel function.

Работы французского ученого А. М. Ампера (1775–1836) дали появление многочисленного ряда терминов, от единиц электричества до закона и электроизмерительных приборов (ampere — ампер) ampere turns — ампер-витки

ampere hour — ампер-час

amperometer — амперметр

Образование терминологических сочетаний с именами ученых и исследователей — частое явление в научно-технической литературе:

Norton equivalent — эквивалентная схема с источником тока

Darlington transistor — составной транзистор с объединенными коллекторами.

9. Заимствования, которые характерны для любого языка, имеют место и в образовании терминов. Из французского языка взят термин laissez faire — свободная конкуренция, политика невмешательства государства в экономику.

10. Большую трудность для перевода представляют многокомпонентные термины, в состав которых входят только лишь прилагательные, предлоги и числительные.

last-in-first-out — последним поступил — последним обнаружен, синоним последнего термина

last-come-first-served более простой для понимания.

Итак, образование новых терминов и терминологических сочетаний — постоянный объективный, обусловленный развитием различных отраслей науки и техники, процесс.

На основании вышеизложенного мы можем сделать вывод, что термины проходят те же этапы развития, как и человечество в различных сферах жизнедеятельности.

В данной статье мы рассмотрели некоторые особенности устойчивых, зафиксированных в словарях, многокомпонентных терминов. Способы их образования могут послужить основой для понимания значения вновь появляющихся в языке терминов, так как, несмотря на наличие хороших словарей, образование новых терминов часто происходит раньше, чем их зафиксировать словари.

Библиографический список

1. Реформатский, А. А. Что такое термин и терминология / А. А. Реформатский // Вопросы терминологии. — М.: АН СССР, 1961. — С. 46–54.
2. Алешанская, Е. В. Современный американский музыкальный термин: дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Алешанская. — Нижний Новгород, 2008. — 174 с.
3. Суперанская, А. В. Общая терминология, вопросы теории / Н. В. Подольская, А. В. Суперанская, Н. В. Васильева. — 5-е изд. — М.: Либроком, 2009. — 248 с.
4. Аракин, В. Д. Очерки по истории английского языка: учеб. пособие / В. Д. Аракин. — М.: Физматлит, 2007. — 288 с.
5. Климзо, Б. Н. Ремесло технического переводчика. / Б. Н. Климзо. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Р. Валент, 2006. — 528 с.

ДЕНИСОВА Инна Валерьевна, старший преподаватель кафедры русского и иностранных языков.
Адрес для переписки: innad2003@gmail.com

Статья поступила в редакцию 02.04.2014 г.

© И. В. Денисова

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ МЕЛИОРАЦИИ

В статье представлены подходы к изучению понятия лингвистической мелиорации, а также описываются механизм процесса мелиорации речи и два его направления — эвфемизация и нобилизация. Социокультурный аспект мелиорации раскрывается в статье на материале английского языка через связь языка народа с культурой и характером нации, историческими и социальными изменениями.

Ключевые слова: мелиорация, эвфемизация, политическая корректность, речевое поведение.

Общеизвестно, что культура народа, составленная из многочисленных традиций и обычаев, норм, правил, стереотипов, живёт в памяти её носителей и является основным элементом, детерминирующим поведение каждого человека, воспитанного в её рамках. Влиянию национально-культурных норм и традиций подвергается не только поведение индивида в обществе, но также и его речевое поведение, к которому каждый социум предъявляет свои особые требования.

В любом обществе существуют определенные нормы морали, на которых основываются правила должного речевого общения, объединенные в явления речевой этики. Следование нормам этики требует от коммуникантов жесткого контроля над своей речью и тщательного отбора лексических единиц, потенциально подходящих ситуации общения. Этот контроль тем сильнее, чем устойчивее традиции общества и чем выше уровень морали нации в целом. Он мотивирует стремление говорящих к облагораживанию своей речи, её мелиорации.

В научный обиход понятие лингвистической мелиорации вошло в начале XX века благодаря трудам западных исследователей языка. Ими рассматривались мелиоративные единицы, обладающие преимущественно позитивной оценочной окраской и позволяющие представить высказываемое в благоприятном свете.

В отечественной лингвистической традиции термин «мелиорация» не приобрел достаточного распространения ввиду своей привычной отнесенности к сфере агрокультуры и гидрологии. Так, в современных толковых словарях русского языка мы встречаем данный термин лишь в одном значении, а именно: «система мероприятий, направленная на улучшение земель для сельскохозяйственного пользования» [1; 2, с. 531].

Вопросами языковой мелиорации и мелиоративности на материале различных европейских языков в нашей стране занимались такие исследователи, как М. В. Волошина, В. Д. Девкин, Н. В. Коробова, Г. Г. Кужим, С. В. Лескина, Г. А. Макарова, А. А. Марцелли, О. Б. Паншина, В. И. Шувалов.

На настоящем этапе развития лингвистических исследований можно выделить несколько подходов к определению понятия мелиорации, мелиоративной лексики.

1. **Семантический подход** предполагает рассмотрение свойства мелиоративности некоторых языковых единиц, содержащих положительную коннотацию, не придавая значения их функционированию в речи. Такой подход основывается на том, что «мелиоративы — это лексические единицы, в семантике которых присутствуют семы положительных эмоций» [3, с. 5]. К этому подходу можно отнести также взгляды В. И. Говердовского, который, в рамках разработанной им коннотативной типологии, выделяет отдельный вид коннотации мелиоративности, относящейся к экспрессивно-оценочному типу коннотации. К разряду мелиоративно-коннотативной лексики автор относит слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами, которые используются для придания речи эстетических качеств [4].

2. В рамках **прагматического подхода** уделяется большое внимание целям употребления мелиоративных единиц ввиду их способности передавать положительное значение высказыванию в целом. Мелиорация понимается как речевая стратегия оптимизации, улучшения общения (М. В. Волошина, Ю. А. Гаврикова, Н. В. Коробова). Коммуниканты стремятся к контакту, желают создать комфортные условия для общения, соблюсти взаимную корректность, избежать конфликтов. М. В. Волошина пишет о категории мелиоративности, которую она определяет в широком смысле как «совокупность языковых средств и речевых действий, направленных на положительную оценку предмета речи, комфортное, бесконфликтное и эффективное развёртывание и протекание, удовлетворительный результат и положительную метаязыковую оценку речевого взаимодействия» [5, с. 2]. Данное определение тесно связывает мелиоративность с речевым этикетом, а также с категорией вежливости, которая включается в число средств выражения мелиоративности.

Следует отметить, что вежливость рассматривается как стратегия достижения успешной коммуникации, избираемая с учетом ситуации общения, и поэтому может быть обозначена как один из способов развёртывания категории мелиоративности. Языковым выражением прагматической категории вежливости служат элементы системы речевого

этикета, «основное назначение которых — быть сигналами доброжелательного, вежливого отношения к адресату» [6, с. 227]. Необходимо указать на универсальность категории вежливости, которая высоко ценится многими народами и нациями как моральное качество человека, но именно специфическое отношение каждого отдельного социума к вежливости отражается в языке и речевом поведении представителей различных народов.

3. Термин «мелиорация», или «амелиорация» также используется для обозначения процесса «улучшения» значения слова в области семантических изменений лексики в диахроническом аспекте: «**ameliorative** — (change) by which a word develops a more favourable sense. Also called meliorative: opp. Pejorative» [7, с. 203]; «Melioration — the linguistic process in which over a period of time a word grows more positive in connotation or more elevated in meaning» [8]. Такой подход к рассмотрению мелиорации следует определить как **исторический**.

Некоторые ученые в своих работах, написанных на английском языке, также используют термин «амелиорация» для обозначения одного из направлений семантического развития значения слов. Так, Р. З. Гинзбург понимает под мелиорацией улучшение коннотативного компонента значения слова [9]. И. В. Арнольд уточняет, что подобные изменения значения зависят от отношения общества к называемому объекту, от общественной оценки этого объекта [10]. Например, древнеанглийское слово *swel* «женщина» приобрело современное значение *queen* «королева».

4. В рамках другого, **субституционного**, подхода мелиорация характеризуется как процесс замещения одних языковых знаков, который осуществляется в коммуникации, более положительно окрашенными единицами [11]. Так, либо табуированное слово заменяется другим, содержащим ту же оценку, но имеющим более высокую стилистическую окраску: «*Seniorenzentrum*» (вместо «*Altersheim*»), «*Deponie*» (вместо «*Müllkippe*»), либо нейтральное слово заменяется лексемой более высокого стиля, например: «*Metropole*» (вместо «*Hauptstadt*»), «*Konsument*» (вместо «*Verbraucher*»), «*Kunde*» [12].

При этом процесс мелиорации можно охарактеризовать как сугубо субъективный, индивидуальный, поскольку говорящий, исходя из своих намерений и культурных фоновых знаний, сам решает в пользу того или иного языкового знака. Вместе с тем, представляется неверным исключать объективные факторы описываемого процесса. Лингвистическая система, независимо от говорящего, имеет необходимые единицы, обладающие положительной коннотацией на основании сложившегося коллективно-общественного опыта, и предоставляет их говорящему для описания объекта.

5. Характеристика мелиорации как процесса замены одного языкового знака другим оспаривается в работе Г. Г. Кужим. В рамках пятого, стилистического, подхода мелиорация рассматривается как один из способов выражения различных явлений действительности, при котором говорящий выбирает и использует в своей речи единицы более высокого стилистического уровня. Согласно мнению исследователя, во время коммуникации не происходит никакой замены, потому что не представляется возможным заменить то, что не было произнесено. В своей работе Г. Г. Кужим формулирует универсальный закон триады, согласно которому «отправитель языковой информации в соответствии с не-

обходимым (или намеренно избранным) регистром для данной ситуации решает сам, как ему выразить свою мысль: нейтрально, мелиорировать или детериорировать ее» [13, с. 10].

Анализ различных подходов к определению понятия мелиорации позволяет рассматривать ее как процесс сознательного оценочного завышения или маскировки явлений действительности в целях установления и поддержания позитивного контакта между собеседниками при помощи выбора и использования лексических средств, обладающих свойством мелиоративности, т.е. положительной оценочности, и ориентированных на выражение положительной эмоциональной оценки. Этот выбор, несомненно, обусловлен ситуацией общения, видом дискурса, в котором оно происходит, общей склонностью коммуникантов как представителей определенной культуры к открытому выражению положительных оценок и личностными моральными качествами говорящих. Данное определение не выражает эксплицитно включение категории вежливости в явление мелиорации, но тем не менее не отрицает тесной связи двух явлений, поскольку ситуация одобрения, создаваемая благодаря использованию мелиоративов, должна поддерживаться их сочетанием с другими средствами, направленными на успешность коммуникативного акта.

В механизм мелиорации, согласно В. Д. Девкину, входят две шкалы — оценочная и стилистическая, благодаря взаимодействию которых можно определить два основных направления мелиорации: придание высказыванию и объекту большей степени положительности, возвышенности, помпезности, а также сокрытие, маскировка отрицательных явлений действительности [14]. Первое явление обозначается термином «нобилизация» и предполагает употребление стилистически более высокой единицы, а также завышение оценки денотата, уже обладающего очевидными положительными качествами. Второе явление представляет собой «эвфемизацию», которая, в зависимости от ситуации, может потребовать употребление единицы любого стилистического регистра и призвана скрыть, смягчить или завуалировать отрицательную характеристику денотата. Упоминание темы, в которой используется эвфемизм, вызывает у собеседников некоторый дискомфорт, которого они стремятся избежать.

Рассматривая социокультурный аспект мелиорации, необходимо обратить внимание на то, что традиции и обычаи, в том числе и языковые, специфичны у каждой отдельной нации. Так, например, изучая категорию «вежливость», можно обнаружить, что отношение к этому качеству отличается в различных культурах. По описанию Л. Р. Савченко, для русской культуры вежливость не является ни нормой, ни стереотипом поведения, поскольку нередко проявления вежливости вызывают отрицательную оценку. Анализ контекстов слов «вежливость», «вежливый» позволяет автору говорить о том, что вежливость часто оценивается негативно ввиду ей ненатуральности, натянутости, ввиду отсутствия в ней искренности [15]. Совершенно иное отношение к вежливости у представителей английской нации, считающихся «самыми вежливыми людьми на свете», чьи традиции «предписывают сдержанность в суждениях как знак уважения к собеседнику» [16, с. 109].

Для того чтобы понять, насколько английский язык предполагает использование мелиоративных и других единиц, направленных на оптимизацию коммуникации,

необходимо ознакомиться с национальным характером англичан, а также с особенностями их речевого поведения.

Англичане считаются крайне многогранной и противоречивой нацией, вобравшей в себя разнообразные черты характера многих этнических групп, составляющих английский народ. Английский характер сочетает в себе англосаксонские практичность и склонность к естественному и простому, кельтскую мечтательность, скандинавские храбрость, буйную натуру и тягу к приключениям, франко-норманские дисциплинированность и аристократичность [16, с. 98–104]. Считается, что во многих отношениях англичане одновременно и самый вежливый, и самый неучтивый народ в мире, полный природной доброжелательности и уважения к человеческой личности и в то же время чувства, представляющего собой «смесь презрительности, равнодушия и неприязни» [16, с. 112].

Исследование коммуникативного поведения англичан, проведенное Ю. Е. Прохоровым и И. А. Стерниным, показало, что одной из доминантных особенностей английского общения является его антиконфликтная ориентация. Традиции английского общества требуют неукоснительного соблюдения правил речевого этикета, что выражается в нормативном характере вежливости к учащимся, вежливости старших к детям, вежливости детей к родителям, старшим и взрослым людям. В английской культуре правила коммуникативного поведения устанавливают необходимость проявлять внимание как к знакомым, так и к незнакомым людям: у них ярко выражено подчеркнуто внимательное слушание собеседника. Тематика общения главным образом строго регламентирована ситуацией общения. Следует отметить, что англичане чувствуют сильную необходимость вербальной демонстрации положительных эмоций в общении, а также доля позитивных оценок в разговоре, несмотря на низкий уровень общего стремления к вербализации оценки ситуаций и лиц, очень высока. Английское коммуникативное поведение характеризует мощный контроль над собственной речью, над используемыми языковыми средствами [17].

Таким образом, в связи с высоким уровнем императивности этикетных норм коммуникативного поведения речь представителя английской культуры подвергается обширному табуированию и стремлению к мелиорации и эвфемизации, которые затрагивают многие сферы жизни людей. Так, например, несмотря на избегание выражения негативной оценки низких интеллектуальных способностей других людей, в языке английского народа представлены эвфемистические лексические единицы, позволяющие вежливо и деликатно высказать свое мнение с подобной характеристикой:

— с помощью метафорического переноса или перифразы:

above your ceiling, elevator does not go to the top floor (the), light in the head, not all there; brick short of a load (a), card short of a full deck (a);

— используя преуменьшение или отрицание положительного для выражения отрицательного:

less academic, less gifted, without the highest IQ in the world, no Einstein/genius/scholar, not a great reader;

— с помощью терминов:

attention deficit disorder, mentally challenged, academically subnormal, differently abled, uniquely proficient, educable [18].

Воздействие на наполнение речи англичан мелиоративами оказывают не только укрепившиеся черты национального характера и устоявшиеся пра-

вила речевого поведения, но и происходящие в современном обществе изменения, приносящие вслед за собой изменения в языке, которые отражаются на речевом поведении людей. Так, во второй половине прошлого века появились неизвестные ранее новые запреты, такие как сексизм, расизм, эйджизм, религиозизм и др., которые можно определить как «языковую бестактность и/или прямолинейность в отношении половой или расовой принадлежности, возраста, вероисповедания человека» соответственно [19, с. 216]. Эти изменения приводят к появлению в мире английского языка так называемой «политической корректности», которая выражается в желании использовать способы языкового выражения, способные заменить те, которые могут оскорблять чувства и достоинства человека, ущемлять его права. Многие слова, каким-либо образом выделяющие людей по половому, расовому, возрастному или статусному признаку, обретают негативную окраску, что приводит к распространению других слов, обладающих нейтральной или положительной коннотацией.

В т.н. «Официальном карманном словаре политически корректной лексики» («An Official Politically Correct Dictionary and Handbook») с большой долей иронии представлены многие политически нейтральные термины, например:

— слова, активно используемые черным населением США для обозначения своей национальности, «*Black*» или «*Negro*», в лексиконе белого населения заменяются на «*African American*»;

— во избежание оскорбления коренного населения Америки вместо слова «*Indians*» в США используют выражение «*Native Americans*», а в Канаде — «*First Nations*»;

— а также, чтобы не задеть чувства представителей иных культур, принято употреблять оценочно нейтральные выражения «*Holiday season*» или «*Winter holiday*» вместо «*Christmas*»;

— в обозначении различных профессий принято использовать гендерно-нейтральные термины, такие как «*firefighter*» вместо «*fireman*» или «*firewoman*», «*police officer*» вместо «*policeman*» или «*policewoman*»;

— для указания на физические дефекты людей употребляются оценочно нейтральные выражения «*visually impaired*» вместо «*blind*» и «*hearing impaired*» вместо «*deaf*»;

— словосочетание «*mentally retarded*» заменяется выражением «*intellectually disabled*», а выражение «*airhead*» в шутку предлагается заменить на «*cerebro-atmospheric individual*» [20].

Несмотря на многочисленную критику и порой насмешливое и ироническое отношение к лингвистическим проявлениям данного явления, доходящим до абсурда (см., например, некоторые примеры, представленные в «Политически корректном словаре», или другие примеры, которые можно обнаружить в сети Интернет), за время своего существования оно лишь усиливается и постепенно начинает затрагивать остальные европейские языки, в том числе и русский.

Употребление политически корректных высказываний, как и эвфемизмов, имеет целью маскировку и сглаживание негативного эффекта от употребления более точного, но потенциально оскорбительного выражения. В то же время проблема политической корректности заключается в табуировании лексических единиц, зачастую не несущих негативной коннотации, а также искажение смысла некоторых «исправленных» произведений (например,

в статье Е. В. Марининой «О некоторых тенденциях языковой политики США и Великобритании» автором подробно описываются изменения, внесённые в «политически корректное» издание Библии [21]).

Таким образом, рассмотрение лингвистических и социокультурных аспектов мелиорации показывает, что это явление тесно связано с культурой народа, его национальным характером. Культурные и исторические факторы имеют большое влияние на язык и речевое поведение людей, формируя различные модели речевых действий в сознании носителей культуры. Как показывают исследования, английской нации характерны общая бесконфликтность общения, сдержанность, высокий уровень вежливости и контроля над речью, что вызывает стремление англичан к мелиорации речи, которая проявляется в общем старании звучать восторженно, или учтиво, или менее оскорбительно.

Библиографический список

1. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.efremova.info/word/melioratsija.html> (дата обращения: 29.04.2014).
2. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб. : Норинт, 2000. — 1536 с.
3. Коробова, Н. В. Мелиоративные коммуникативные стратегии современной английской речи: на материале британского ареала : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. В. Коробова. — Нижний Новгород, 2007. — 16 с.
4. Говердовский, В. И. Коннотемная структура слова / В. И. Говердовский. — Харьков : Высш. школа, Изд-во при Харьк. гос. ун-те, 1989. — 92 с.
5. Волошина, М. В. Функционально-прагматические характеристики категории мелиоративности в современном французском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. В. Волошина. — Воронеж, 2010. — 26 с.
6. Савчук, Т. Н. Полиаспектность речевого этикета / Т. Н. Савчук // Текст. Язык. Человек : сб. науч. трудов : в 2 ч. — Мозырь : МГПУ им. И. П. Шамякина. — 2013. — Ч. 1. — С. 226—228.
7. Matthews, P. H. The Concise Oxford Dictionary of Linguistics / P. H. Matthews. — Oxford : Oxford University Press, 2007. — 464 с.
8. WordNet [Electronic resource]. — URL: <http://wordnetweb.princeton.edu/perl/webwn> (дата обращения: 29.04.2014).
9. Гинзбург, Р. З. Лексикология английского языка / Р. З. Гинзбург [и др.]. — М. : Высш. школа, 1979. — 269 с.
10. Арнольд, И. В. Лексикология современного английского языка / И. В. Арнольд. — М. : Высш. школа, 1986. — 295 с.
11. Шувалов, В. И. Мелиоративы в лексике современного немецкого языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / В. И. Шувалов. — М., 1978. — 168 с.
12. Шувалов, В. И. Стилистические аспекты мелиорации / В. И. Шувалов // Прагматика слова : межвуз. сб. науч. трудов. — М. : МГПИ им. В. И. Ленина, 1985. — С. 62—68.
13. Кужим, Г. Г. Универсальный лингвистический закон триады. Мелиорация и детериорация в современном английском и русском языках. Явление эвфемии в свете закона триады : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г. Г. Кужим. — Краснодар, 2003. — 28 с.
14. Девкин, В. Д. Немецкая разговорная речь. Синтаксис и лексика / В. Д. Девкин. — М. : Международные отношения, 1979. — 253 с.
15. Савченко, Л. Р. Русское отношение к вежливости: контексты употребления слов вежливость, вежливый, вежливо / Л. Р. Савченко // Вестн. ХНУ им. В. Н. Каразина. Сер. Филология. — 2007. — Вып. 52. — С. 152—156.
16. Сухарев, В. А. Психология народов и наций / В. А. Сухарев, М. В. Сухарев. — Донецк : Сталкер, 1997. — 400 с.
17. Прохоров, Ю. Е. Русские: коммуникативное поведение / Ю. Е. Прохоров, И. А. Стернин. — М. : Флинта : Наука, 2006. — 328 с.
18. Мехов, Д. В. Способы эвфемизации при оценке интеллектуальных способностей человека / Д. В. Мехов // Язык. Культура. Образование. — Омск : Изд-во ИП Макшеевой Е. А., 2012. — С. 48—53.
19. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. — М. : Слово, 2008. — 624.
20. Beard, H. The Official Politically Correct Dictionary and Handbook / H. Beard, Ch. Cerf. — USA : Villard Books, 1993. — 194 с.
21. Маринина, Е. В. О некоторых тенденциях языковой политики США и Великобритании / Е. В. Маринина // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2012. — №2. — С. 78—86.

МЕХОВ Дмитрий Владимирович, аспирант кафедры немецкого языка и межкультурной коммуникации, ассистент кафедры английского языка, специалист по учебно-методической работе, факультет иностранных языков.

Адрес для переписки: dimekhov@mail.ru

Статья поступила в редакцию 30.04.2014 г.

© Д. В. Мехов

Книжная полка

ББК 81.432.1/Г70

Горохова, Н. В. Семантическое пространство отраслевых терминологий : монография / Н. В. Горохова, Ю. В. Зорина; ОмГТУ. — Омск : ОмГТУ, 2014. — 101 с. — ISBN 978-5-8149-1766-9.

Монография посвящена семантическому своеобразию английских терминов таких перспективных научно-технических областей знания и деятельности, как трубопроводный транспорт и безопасность жизнедеятельности (БЖД). В работе рассмотрены внутренние номинативные средства как способы создания терминов исследуемых терминологий в пределах одного языка. Приведены характерные черты словаря специализированного языка трубопроводного транспорта и БЖД. Адресована лингвистам, преподавателям неязыковых вузов, технических университетов, аспирантам, студентам, переводчикам и всем, кто интересуется проблемами конкретных терминологических систем.